

ЯН ВАЛЕТОВ

ПРОКΛΑΤΥЙ

книга вторая

путь

ПРОКΛЯТОГО

Проклятый

Ян М. Валетов

Путь Проклятого

«Автор»

2011

Валетов Я. М.

Путь Проклятого / Я. М. Валетов — «Автор»,
2011 — (Проклятый)

На раскопках древней крепости в Израиле найдена рукопись I века н.э. Мирная научная экспедиция, обнаружившая старые свитки, уничтожена, за оставшимися в живых археологами идет безжалостная охота. Легион – организация, созданная еще при императоре Константине, по-своему охраняет догматы веры, физически уничтожая тех, кто на них покушается. Почему древний пергамент обрек на смерть всех, кто к нему прикасался? Какое отношение имеет ко всему этому проповедник из Галилеи Иешуа Га-Ноцри, писатель Иосиф Флавий и прокуратор провинции Иудея Понтий Пилат – Золотое копье? Что именно написал на древних кожах автор рукописи – Иегуда, известный нам под прозвищем Искарот? Удастся ли спастись от безжалостных легионеров профессору Кацу, красавице Арин бин Тарик и журналисту Валентину Шагровскому? Смогут ли они сохранить рукопись и рассказать миру историю, сокрытую от него вот уже 2000 лет? Роман-погоня, роман-загадка, роман-исследование. Настоящий триллер от автора книги-бестселлера «Ничья земля» Яна Валетова.

© Валетов Я. М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ян Валетов

Путь Проклятого

Credo, quia absurdum.

Был только один христианин – тот, кто умер на кресте; больше христиан не было.

Фридрих Ницше

Глава 1

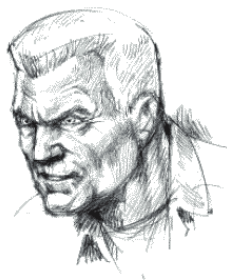

*Израиль. Наши дни.
Эйн Бокек.*

Здесь все говорили по мобильным телефонам. Все. Женщины, мужчины, дети: разморенные или раздраженные ничегонеделанием, апрельской жарой, глицериновым зеркалом Мертвого моря, плещущим в нескольких десятках метров от приткнувшихся к дороге ресторанчиков и магазинов.

Утро обещало стать обжигающим. Солнце апельсиновым шаром зависло над Эйн Бокек. Курорт ожил, зашипели кофеварки, туристы, словно муравьи, засновали между морем, отелями и ресторанами, подняли жалюзи магазинчики, торгующие лечебными грязями и солями, DVD-дисками, сувенирами и разнообразной пляжной ерундой. Как известно, утренняя чашка кофе – лучшее время, чтобы сделать обязательные и необязательные звонки. Казалось, все пространство вокруг наполнено невидимыми радиоволнами, и это от них, а не от нагревающегося подсолненного воздуха горизонт дрожит и расплывается маревом.

Человеку, которого сейчас звали Вальтером, хотелось достать из стоявшей у ног сумки пистолет и начать палить по толпе. В такие минуты нужно было бы выпить и завалиться куда-нибудь на сеновал с грудастой голландкой, могучей и страстной – утопить агрессию в пышной плоти. Но здесь, в этом странном месте, которое только по ошибке можно было назвать курортом, сеновала не было. Была жара, специфический запах от здешней лечебной грязи (которой густо намазывались жаждущие исцеления туристы) да многоголосый говор на добром десятке языков. Возможно, что и голландки здесь нашлись бы, но ни желания, ни времени искать их не было.

Вальтер-Карл

Вальтер облизнул пересохшие от ненависти губы и сделал несколько глотков ледяной кока-колы. Сладкая, колючая влага проскочила по горлу и канула в желудок, не принеся облегчения. Как же хотелось выпить и не этой дряни, а чего-нибудь покрепче... Но нельзя, нельзя... Следовало сосчитать до десяти. А еще лучше – до ста десяти. Чтобы успокоиться и не надеть глупостей. Все, все наперекосяк! Операция, которая должна была закончиться за час, проваливалась в тартарары вот уже вторые сутки! Невероятно! Ладно, ночная выброска – это действительно пижонство с его стороны! Можно было заброситься с вертолетов, можно было бы

просто войти в крепость снизу, подняться по тропе и вырезать этих сраных гробокопателей без единого выстрела, ножами. Сделанного не воротишь – промазал! Но что произошло потом? Кто мог предположить, что ненормальный профессор, его родственничек и ассистентка проврнут кольцо и исчезнут в здешних ущельях вместе рукописью? Кто бы мог подумать, что ставшие на след беглецов профи не прикончат их за первые сутки? И что, Scheiße, могло случиться с поисковой группой? Куда, Scheiße¹, делись пятеро нехилых профессионалов, у которых за плечами не только боевой опыт открытых столкновений, но и несколько тайных ликвидаций, проведенных скрытно и четко! И кто, Scheiße, эти трое? Рэмбо, мать их так?

Он невольно тяжело задышал, набылчился и поймал на себе перепуганный взгляд какого-то мальчишки, у которого от страха мороженное стало поперек горла. Вот черт!

Вальтер попытался улыбнуться, но мальчишка так и замер с ложкой в руке, не сводя с него обалделого взгляда. Ну и черт с ним! Пусть себе дрожит! Мне-то какое дело? Нужно остыть, нужно взять себя в руки! Впасть в бешенство – это худшее, что можно сделать в таком положении. Нужно успокоиться, заставить себя быть холодным, рассудочным. Таким, каким он был все эти годы... Ведь именно это помогло ему выжить. Тяжело сохранять рассудочность, когда все летит к чертям, но... Но ничего еще не потеряно. На операцию отведено трое суток, значит, есть еще день и ночь. А там – посмотрим, чья возьмет!

Он привел дыхание в порядок и огляделся по сторонам, стараясь замечать детали, топить захлестнувшие его эмоции в подробностях, в чужих жестах, движениях, словах. Это всегда помогало, поможет и на сей раз.

Уборщики-арабы прижимали к уху трубки и болтали, не выпуская из рук швабры, обросшие серыми мокрыми дредами. Девушка у кофейного автомата, вся в сережках и бусинках, словно она побывала в руках у маньяка, одержимого пирсингом, говорила с кем-то через блютус, и маленький наушник ритмично мигал голубым в глубине ее изуродованной железом ушной раковины. Поросший шерстью по торсу, как скала мхом, мужчина славянской наружности рычал что-то в микрофон своего платинового «Верту» и постукивал по деревянной столешнице массивной кистью боксера. В зарослях на его груди можно было рассмотреть золотой паломнический крест размером с пол-ладони., густо усеянный драгоценными камнями. Такие распятия изготавливались ювелирами в лавках арабов-христиан возле храма Гроба Господня в Иерусалиме – там же их и приобретали люди определенной профессии, характерного мировоззрения и соответствующего воспитания – ювелиры делали неплохой гешефт на братве из разных стран.

Вальтер, побывший в жизни профессиональным спортсменом, военным, наемником и убийцей по найму, знал о том, что такое братва, не понаслышке. Он и сам начинал свой путь, в рядах неформального объединения, возникшего в славном городе Дрездене в году 1989-ом, перед самым падением Стены.

Мастер спорта по спортивному пятиборью, член сборной ГДР, уже не молодой, но еще и не старый капитан Народной Армии, призер нескольких чемпионатов мира, участник двух Олимпиад, холостой, (а, значит, завидный жених) – он жил в довольстве и достатке. И, конечно, думать не думал, что через несколько месяцев его беззаботная жизнь кончится, а в новой Объединенной Германии ему не будет места.

Стена казалась незыблемой. Социалистический строй и Эрик Хонеккер – вечными, как египетские пирамиды. Вальтер, которого тогда звали Карлом, родился, когда Стена уже стояла, и справедливо полагал, что есть вещи, которые не порушить. Да и зачем? По меркам Восточной Германии, он был богат, успешен, видел мир, мог позволить себе то, что для большинства его соотечественников было недостижимо. Конечно, во всем можно найти минусы, но в целом...

¹ Scheiße (нем. *арго*) – дерьмо.

Его тренер, седой, красноносый и дальновидный Альфред Кляйн (угораздило же могучего, почти двухметрового мужика родиться в семье с такой фамилией!), большой любитель молодых пловчих и прогрессивной химии, заговорил с ним о будущем сразу же после Рождества.

Они беседовали в помещении подземного тира, вдвоем, чтобы никто не услышал. Смешно, конечно – Карл с семнадцати числился сотрудником ШТАЗИ, и можно было голову дать на отсечение, что и тренер работал на Дом № 1² не один десяток лет. В противном случае, ему бы и дворовую команду тренировать не доверили, не то, что сборную страны!

– Скоро всему этому придет конец... – сказал Кляйн, снимая наушники-беруши.

– Чему? – удивился Карл, который тогда был на двадцать лет моложе и на сто лет глупее, чем сегодняшний.

– Всему этому, – пояснил тренер хмуро. – Нормальной жизни. Что ты еще умеешь делать, кроме как стрелять, плавать, скакать на лошади? Шпагой махать?

Карл пожал плечами.

Совсем сдурел старик.

– Ах, да, забыл... – продолжил Кляйн. – Еще *flachlegen Schnitte*³. Только учти, в тебе столько анаболиков и гормонов, что стоять он у тебя будет не долго...

– Пока все в порядке, – ухмыльнулся Карл. – Не жалуюсь.

Он не понимал, зачем тренер завел этот разговор, но сообразил, что просто так старый лис подставляться бы не стал. Может быть, контрабанда? Карлу доводилось выполнять щекотливые поручения своего куратора и перетаскивать через границу, а то и через несколько кордонов, самые разные вещи. Ну, чего дед тянет?

– Я тоже не жаловался. Присядем? – предложил Кляйн и, не дожидаясь ответа, присел на низкую скамейку в углу стрельбища.

– Я не хочу ходить по кругу, – сказал он, глядя Карлу в глаза. Крупный, покрытый сиреневыми прожилками нос тренера лоснился в свете тысячсвечовых ламп. – И не хочу слушать глупые возражения. Сам все увидишь. Но когда увидишь, может быть поздно. Начнется неразбериха, а если вода мутная, рыбка в ней ловится лучше всего. Послушаешь меня сейчас – будешь в новой жизни богатым человеком. Побежишь доносить – потом себе локти искоусаешь.

У Кляйна был нос алкоголика, глаза бойцового пса и крокодила хватка.

В девяносто третьем он погиб во время перестрелки с голландской полицией, прихватив с собой на тот свет трех агентов Департамента по борьбе с наркотиками и ранив еще четверых. Утонул в вонючем роттердамском канале, пытаясь плыть в ледяной воде с четырьмя пулями в теле и со сломанной ногой. Говорят, голландцы поверить не могли, что такую бойню устроил семидесятилетний старик, но они-то никогда не видели, как Кляйн с тридцати шагов навскидку всаживал пулю в пулю.

Он так и не успел стать по-настоящему богатым, и мало кто из ребят успел. Сам Карл в девяносто третьем уже унес из этого бизнеса ноги. Чутье его не подвело – в качестве снайпера, путешествующего из одной горячей точки в другую, он зарабатывал меньше, но чувствовал себя в большей безопасности. Одиночке всегда неуютно в стае. Два года в Африке, год на Ближнем востоке, Афганистан, Южная Америка...

С Южной Америкой ему просто повезло – легальный аргентинский паспорт пришелся как нельзя кстати. Там же ему впервые предложили сделать один очень рискованный выстрел. Рискованный, но чрезвычайно хорошо оплачиваемый. Обычно исполнители таких «солнышков» живут недолго, буквально несколько часов после исполнения партии. Но Карл к тому вре-

² Штаб-квартира ШТАЗИ Министерства госбезопасности ГДР – это комплекс на улице Норманненштрассе, известный также как «Дом № 1».

³ *flachlegen Schnitte* (нем. арг.) – девок трахать.

мени был уже другим человеком, совсем не таким наивным и глупым, как собеседник тренера Кляйна в далеком 1989 году.

Он сделал выстрел, поразил мишень, выжил и ушел с деньгами. Не со всей суммой, а только с предоплатой, но даже предоплата сразу вывела его в другую лигу, расширив не только возможности, но и превратив из малоизвестного стрелка в крупного специалиста. Не в легендарного, но реально крупного.

И тогда нынешние заказчики вышли на него в первый раз.

Вышли – это слабо сказано. Не было, собственно говоря, ни заказа, ни увещаний, ни угроз. Просто одним утром, когда Карл завтракал в уютной парижской брассерии на бульваре Капуцинов, к нему за столик подсел невысокий человек невыразительным лицом, на котором, казалось, навечно застыло выражение удивления. Более всего он походил на мышь, на удивленную мышь.

– Гутен морген, – поздоровался он по-немецки и призывно махнул рукой пожилому гарсону. – Кофе со сливками, большую чашку. Круассан, мед и маленькую тарелку сыра...

Французский незваного гостя был безупречен.

Звякала посуда, сновали официанты в длинных белых фартуках. Оглушительно пахло свежесдобными багетами, молотым кофе и специями. Прекрасное мирное утро. В такое утро уж никак не хочется думать о стрельбе, погонях, проходных дворах... Тем более, что выбежать с застекленной веранды, густо заставленной маленькими круглыми столиками было крайне проблематично.

– Мы знакомы? – осведомился Карл. – Я что-то вас не припомню...

– А вы меня и не знаете, – сказал человек-мышь, снова перейдя на немецкий с баварским акцентом. – Знаю вас я...

Карлу стало очень неудобно. Жизнь в Париже расслабила его, приглушила инстинкты, и сейчас он с ужасом осознал, что пистолет в подмышечной кобуре вряд ли сможет спасти ситуацию, если человека-мышь прислали те...

– Не ломайте себе голову, – посоветовал незванный собеседник без тени улыбки на лице. – Я не собираюсь причинять вам вред. Хотел бы – уже причинил бы. Это как раз не проблема.

Он сказал это так, что Карл сразу же поверил – действительно «не проблема».

– Тогда – чем обязан? – спросил он, стараясь выглядеть невозмутимым.

– Нам нужны ваши услуги, – ответил человек-мышь. – Причем не на один раз, а на постоянной основе.

– Вы вербовщик?

– В некотором смысле – да, – улыбнулся собеседник, если гримасу, посетившую на миг его блеклое лицо, можно было назвать улыбкой. – Но только в некотором смысле. Скорее, меня можно назвать нанимателем.

Гарсон поставил перед ним заказ, и человек-мышь с видимым удовольствием макнул круассан в кофе.

– А если я не соглашусь?

– Дело ваше.

– Выдадите меня?

Гость пожал плечами, почти незаметные брови стали домиком.

– Зачем? У меня интерес к вам, к живому... Мертвым вы меня не интересуете. Так будем говорить?

– Будем, – согласился Карл, прикидывая, сумеет ли добраться до пистолета в случае неприятностей.

– Отлично, – обрадовался человек-мышь. – Тогда давайте завтракать и разговаривать. Чего зря время терять? Итак, господин Шульце, за последний год вы заработали сто двадцать тысяч евро. Достаточно неплохой приработок, если учесть, сколько вы унесли в клюве после

выстрела в Боготе. Неплохой, но воображение не поражает. Тем более, что несколько горячих латиноамериканских парней, которые упустили вас год назад, полны желанием восстановить репутацию и отомстить за троих своих безвременно ушедших товарищей. Хочу вас заверить – искать эти ребята умеют.

– Ну, хорошо, – сказал Карл, все еще переваривающий прозвучавшую из уст человека-мышь фамилию. – Верю, что вы хорошо осведомлены о моих делах...

– Не «хорошо», – поправил его гость, – а «очень хорошо». Можно сказать, что мы о вас знаем все. От момента рождения и до сегодняшнего дня. Даже копия вашего дела, заведенная ШТАЗИ, в нашем распоряжении. Все ваши донесения, письма, протоколы бесед... Вся ваша спортивная карьера, включая список препаратов, которые вам кололи на протяжении всех тех лет, имена и фотографии ваших девушек, все ваши художества в момент воссоединения после него. Я знаю обо всех ваших преступлениях до ноября 1992 года, об ваших поделниках, о ваших врагах. После девяносто второго я тоже все знаю. Будем проверять?

– Наверное, не стоит...

– Разумно. Вот, – он выудил из кармана мини-диск и положил на скатерть перед Карлом. – Почитаете на досуге. Увлекательное, надо сказать, чтиво, не оторваться! Рекомендую потом уничтожить, мало ли кому в руки может попасть... Приступим?

– А что, у меня есть выбор?

– Пожалуй, есть... Но я бы на вашем месте выслушал. Тем более что вам больше никто и ничего объяснять не будет.

– Слушаю.

– Судя по досье – вы нам подходите. Не как рядовой исполнитель, хотя ваши способности снайпера впечатляют. Я предлагаю вам возглавить группу.

– Ваших людей?

– Нет. Людей вы подберете сами. Мы дадим вам досье на тех, кого считаем подходящими, но вы можете взять в дело своих. Важно, чтобы в обычной жизни они не общались друг с другом и никогда друг о друге не слышали. У вас такие есть?

– Что это за дело?

– Привычное, – человек-мышь улыбнулся, показывая мелкие желтоватые зубки. – Вот что вы делали в Лиссабоне в прошлую пятницу?

– Гулял, – отрезал Карл, испытывая желание свернуть собеседнику шею.

– Ну, значит, возьмете к себе таких же любителей прогулок. Тех, кому моцион не в тягость...

– Сколько человек я должен собрать?

– Двенадцать, – ответил гость быстро. – Ровно двенадцать. Вы – тринадцатый. Ни одним человеком больше, ни одним человеком меньше. Если кто-нибудь простудится во время прогулки, и, не дай Бог, умрет, вы найдете ему замену. Всегда двенадцать.

– В чем фишка? – спросил Карл.

Человек-мышь снова оскалился.

– Не знаю. Традиция.

– Хорошее объяснение...

– Ну, простите, Шульце! Лучшего у меня нет...

– Хорошо. Предположим, я соглашусь... О какого размера золотых горax идет речь?

– Я думал, вы спросите об этом раньше...

– Я спросил об этом вовремя. Когда захотел.

Собеседник снова макнул круассан в кофе, и, не торопясь, откусил набрякший коричневым краешек.

– Ваш гонорар будет делиться на две части. Постоянно вы будете получать полмиллиона евро в год. На эти деньги вы будете жить. Просто жить, даже если ничего не будете делать. За

каждую прогулку, если она будет успешна – полагается премия. Ее размеры зависят от сложности и важности... гм, гм... прогулки.

– Точнее?

– Миллион. Может быть – два. А может и десять... Кто знает?

– Хорошее предложение...

– Лучшее, Шульце, лучшее, что вы имели в своей жизни.

– В чем подвох?

– Ни в чем.

– Не верю.

Человек-мышь рассмеялся.

– Правильно не верите. Спросите меня, что будет, если вы не выполните поручение? Что будет, если прогулка окажется неудачной?

– И что будет, если прогулка будет неудачной?

– Это будет последняя ваша прогулка.

– Второго шанса не будет?

– У меня – будет. У вас – нет. Для того, чтобы иметь право на второй шанс, надо стоять на моей ступеньке.

– На ступеньке – где?

– Второе правило – не задавать вопросов.

– Лишних вопросов?

– Любых не по делу. Все, что надо, я скажу вам сразу. А то, что вам не надо, лучше не спрашивайте. Не советую.

– Что еще не советуете?

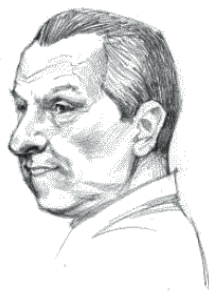
Собеседник пожал плечами и взял из розетки мед, немного, на самом кончике ложечки. Аккуратно попробовал и, закрыв глаза от удовольствия, растер золотистую вязкую каплю во рту.

– Не советую? – повторил он мурлыкающим, довольным голосом. – О, запретов не так много... Никаких настоящих имен. Никаких личностных контактов. Все члены группы встречаются только для выполнения задания. После его выполнения разъезжаются по домам. Без открыток к Рождеству, поздравлений с днем рождения. За это тоже отвечаете вы. Головой. Если заметите что-либо подобное, решайте вопрос радикально и без сантиментов. Все остальные целее будут. Это понятно?

– Вы говорите со мной так, будто бы я уже согласился.

– А вы согласились, – сказал человек-мышь насмешливо и снова поднял брови домиком. – Вы просто еще не сказали «да» вслух.

Этот засранец Морис был прав. Он согласился. Одиннадцать лет назад, в мае будет двенадцать. Чертова уйма времени – одиннадцать лет. И за это время он так и не понял, на кого он работает. Выяснять не пытался – что он, сам себе враг? А догадаться, определить, чьи интересы он защищает по характеру заказов не получилось. Одно было неизменно – все акции, которые он проводил со своей группой, были удачными. Ни одной осечки (если не считать случая в Праге, но там удалось все исправить в тот же день) за все годы, две случайных потери в группе, еще двое умерли по естественным причинам. Двоих пришлось убрать. Идиоты встретились на отдыхе, на Майорке – вероятность один к десяти миллионам – и решили, что надо дружить семьями. Вопрос уладили в срочном порядке, там же. Ребята неудачно съездили на морскую рыбалку.

Морис

Вот и все. Больше никаких проколов. В среднем – пять-шесть акций различной сложности в год. Двенадцать миллионов евро в разных банках, в акциях, в недвижимости. Три фирмы, запущенные для прикрытия поступлений, просто для отвода глаз, приносят неплохой доход. Пора бы и на покой... Только мерзавец Морис (или как там его зовут в реале) – единственный из вышестоящих, с кем приходится общаться все эти годы – не сказал тогда, в Париже, что продает билет в один конец. Войти в этот бизнес можно, а вот выйти... Выйти нельзя.

Вальтер огляделся и накрыл лежащий перед ним телефон ладонью.

Когда же он зазвонит? Почти девять утра. Да за это время можно было перевернуть вверх дном два десятка кварталов! Но пустыня – не жилые районы, осадил он сам себя. Все равно: Рик должен был давно с ним связаться. Вторая группа подошла к связному в половину седьмого утра. И два с лишним часа эти инвалиды там языки чешут!?

Злоба снова заворчала в груди бывшего Карла Шульце, но на этот раз он быстро усмирил эмоции. Еще глоток холодной кока-колы. Проходившая мимо девушка-официантка оценивающе мазнула по нему взглядом и стрельнула черными влажными очами одалиски. Она была совсем не в его вкусе – слишком худа и невысока, так что Вальтер демонстративно отвел глаза.

Он ждет до девяти. Ровно до девяти. А потом...

Немец задумался. А что – потом? У него до сих пор не было внятного плана действий. Операция настолько резко вышла из-под контроля, превратившись в беспорядочную беготню по горам и ущельям, что у него просто не было возможности сесть и составить мало-мальски пристойный план. Вот через десять минут стукнет девять, и что? Ехать в пустыню и руководить охотой? А если они вырвались из кольца? Сколько людей он сможет привлечь помимо Двенадцати? И позволит ли ему Морис позвать на помощь еще кого-то? Он даст в помощь любую технику, но люди... Люди – это не его ответственность.

Семь минут до девяти. Снова мучительно захотелось выпить. Одна ошибка...

«Ах, мой милый Августин! Августин! Августин!»

Он схватил трубку так, что едва не смял в руках тонкий металлический корпус. Наконец-то! Закрытый номер! Это Рик! Это Рик!

Перед тем, как нажать на кнопку ответа Вальтер сдержал дыхание, чтобы не вздохом, ни интонацией не выдать степень своего возбуждения.

– Да, Рик!

– Ты где? – спросил канадец без приветствия.

– Сiju возле моря, в Эйн Бокек.

– Выезжай к нам. Шлю тебе координаты по СМС.

– Что стряслось, Рик?

– Все стряслось, Вальтер. Мы наткнулись на ребят...

– Они не нашли эту троицу?

Канадец кашлянул в трубку, как-то странно кашлянул. Словно подавился смешком.

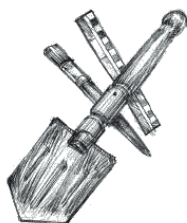
– Ну, почему же... Скорее всего, нашли...

Трубка в руках урожденного Карла Шульце зажужжала, и он автоматически глянул на экран – широта, долгота.

– Ну и... – спросил он, все еще надеясь, что Рик сообщит не очень плохие новости.

– Они все мертвы, Вальтер, – сказал канадец и снова кашлянул, но теперь так, будто его тошнило. – Все четверо. Судя по всему, их убили ночью. Похоже, у нас серьезные проблемы. Мы ждем, приезжай.

Глава 2

*Греция, остров Патмос,
монастырь Иоанна Богослова
Сентябрь 2007*

В хранилище стоял запах старых книг, пыли и дерева.

Рувим Кац принялся. Да, точно – дерева! Полки и шкафы в старой библиотеке были сделаны из старой древесины, над которой, несмотря на все меры предосторожности, за сотни лет немало поработали древоточцы. Такие доски могли пахнуть только трухой, но они источали слабый запах настоящего дерева.

В новом зале, через который Каприо с гордостью провел гостя, все было сделано по последнему слову техники: алюминиевые стеллажи почти до потолка, система электронного учета экспонатов, библиотечные лестницы на электрическом приводе, пневмодоставщик, компьютерный заказ... Но, если говорить о личных пристрастиях профессора Каца, то, несмотря на все удобства, новый зал напомнил ему операционную или морг с разложенными в абсолютном порядке телами – каждое в своем ящике, в пластиковом мешке на молнии, с биркой на холодной, с почерневшими ногтями, ноге. Здесь же, в плохом освещении старого зала, между поеденными жучками полками он почувствовал себя в привычном мире.

Библиотека монастыря святого Иоанна Богослова была поистине жемчужиной, сохранившейся с одиннадцатого века и до наших дней. Построенный на месте древнего храма то ли Афины, то ли Артемиды, профессор запомнил, монастырь был не только местом жизни и служения для монахов, но и крепостью, которая с успехом противостояла набегам на остров, успешно скрывая за многометровыми стенами жителей Патмоса. Благодаря фортификационной мощи монастыря за его стенами сохранились манускрипты дохристианской эпохи, переданные под покровительство святого Иоанна из других, менее неприступных обителей. Древних рукописей было настолько много, а обитатели монастыря обращались к ним настолько редко, что некоторых пергаментов рука человека не касалась с того момента, как много веков назад они легли на эти полки. Вот почему здесь пахло библиотечной пылью, высохшей кожей да старой ветхой бумагой... А вот запах дерева... Этому Рувим объяснить не мог, но с удовольствием вдыхал тонкий, живой аромат, наслоившийся на запах библиотечного тлена.

Чезаре Каприо

– Нам удалось разобрать только процента три-четыре, – пояснил шагавший впереди Чезаре. – С рукописями и старыми пергаменами работать гораздо сложнее, чем с книгами. Каждая третья нуждается в услугах реставратора, каждой пятой уже нужен реконструктор. Ветхие, высохшие, поврежденные... Веришь ли – понадобится минимум лет двадцать, чтобы все систематизировать, перевести на электронные носители.

– Книги вы все рассортировали? – спросил Кац.

– Куда там! – Каприо махнул рукой. – Треть. Треть за пять лет постоянного труда... Нам нужно гораздо больше людей. Приезжают добровольцы из разных стран, по согласованию с настоятелем, конечно, и с самыми лучшими рекомендациями. Без их помощи результаты были бы куда скромнее...

– Воруют? – поинтересовался профессор Кац.

– Воруют, – вздохнул Чезаре. – Были случаи. Такая коллекция, *mattea mia*, конечно же были попытки. Некоторые из этих бумаг стоят просто нереальных денег. Есть коллекционеры, которые готовы платить сумасшедшие суммы за оригинальные письма исторических личностей...

– Ну, представляю себе, сколько стоит неизвестное письмо Сенеки к Луциллию... – Кац улыбнулся, но старый приятель так печально глянул на него через плечо, что Рувим проглотил смешок.

– Боюсь, что даже не представляешь, – сказал Каприо с грустью. – Мы поймали троих. А скольких не поймали?

– И у всех пойманных на воровстве были превосходные рекомендации?

– И не сомневайся.

– Поэтому меня поселили за воротами обители?

– Ну, да, – подтвердил Чезаре с грустью. – Поэтому. И с меня взяли слово, что я от тебя на шаг не отойду...

– Даже если мне надо будет в туалет? – не удержался Рувим.

Каприо кивнул. Ему явно было неудобно.

– Не переживай, дружище, – подбодрил его профессор Кац. – Никаких проблем. Будем ходить вместе, взявшись за руки. Обещаю, что не уйду без тебя, даже если мне захочется побольшому!

Чезаре в ответ улыбнулся, но улыбка получилась невеселой.

– Нам сюда, – он указал рукой в один из бесчисленных поворотов между стеллажами.

Они свернули и, пройдя между полками, буквально набитыми огромным количеством каких-то папок, свитков, свертков, просто перевязанных стопок ветхих листов, оказались на небольшой площадке, расположенной как раз под высоким стрельчатым окном. Через мутноватые от времени стекла, пробившись сквозь тонкий переплет, в полумрак врвался могучий столб солнечного света, в котором व्यюжно кружились пылинки. В центре освещенного круга стоял большой, грубо сработанный стол, буквально заваленный рукописями. На краю столешницы примостился лэптоп, глиняная чашка да блюдо с надкушенным яблоком на нем. Из-под бумаг виднелся уголок мощного сканера, а между ножек тяжелых, явно самодельных стульев вились и уползали червями в полумрак добрый десяток разного рода проводов.

– Твое гнездо? – Рувим огляделся вокруг.

– Угадал. Присаживайся.

Стул весил почти тонну. Ну, или полтонны, как минимум. Рувим подволок поближе массивное изделие монашеских рук и подумал, что пользование стульями из местной мастерской надо налагать как епитимью, во искупление грехов. Самый заядлый грешник взмолился бы через неделю переноски такой вот мебели.

– Выпьешь воды? – спросил Каприо.

Рувим кивнул.

Воздух в хранилище был суховат, а вместе с пылью мгновенно драл горло. Вода из глиняного кувшина оказалась прохладной, свежей и очень вкусной. Впрочем, здешний источник всегда очень хвалили.

– Итак? – сказал профессор Кац, без церемоний вытирая губы рукавом. – Внимательно тебя слушаю...

– Хочешь без предысторий?

Рувим кивнул.

– Думаю, что у тебя еще будет время посвятить меня в подробности. Вне этих стен.

– Пожалуй, – согласился Чезаре, включая лэптоп. – Да и истории таких находок всегда одинаковы. Я просматривал документы четырнадцатого века. Письма, несколько грамот... Очень интересно, но рутинно... Таких бумаг тут на сто лет работы. Все в папке, края ветхие... И вдруг...

Он развернул экран компьютера к собеседнику и Рувим увидел перед собой похожие на букашек буквы древнего алфавита. Скан был сделан с хорошим разрешением, даже там, где в оригинальном документе чернила потеряли насыщенность, текст читался вполне пристойно. Да, древнееврейский... Документ писан не переписчиком, строки аккуратные, но начертание букв и размещение слов на странице отличается от работы писца. Сами буквы выведены уверенной рукой, но не каллиграфически, а так, как должен был их изобразить часто пользовавшийся стилем человек. Очень хорошо.

Он повернул колесико прокрутки.

Хороши же несколько слов – почти три страницы текста, написанного не мелким, но достаточно убористым почерком. Ага. Вот и конец письма. Подпись...

Он перечитал еще раз.

Не может быть. Ерунда. Здесь? Откуда? Впрочем, древние документы порою совершают немыслимые путешествия самыми невероятными маршрутами. Но это...

Он поднял глаза на Чезаре в надежде уловить на лице старого приятеля намек на розыгрыш, на изящную мистификацию специалиста специалистом. Но Каприо смотрел серьезно, даже с некоторым торжеством.

И тогда Кац снова посмотрел на подпись под древнееврейским текстом, противостоенно, слева направо, бегущую по листу латиницей.

Josephus Flavius.

* * *

Рим. Март 99 года.

Хоть мои предыдущие два письма остались без ответа, а то, что я отправлял в прошлом месяце, просто еще не могло дойти, я снова пишу тебе, сын, направляя послание с оказией. Отец милейшей Шошанны, которую ты, естественно, помнишь, обмолвился, что снаряжает корабль в Сирию, с заходом в греческие порты и в Александрию. Радости моей не было предела – мое письмо попадет в город, который ты так полюбил в последние годы, за каких-то две недели и будет доставлено адресату из рук в руки!

Я уже представляю себе, как какой-нибудь молодой матрос бежит по широкой мощеной улице, крутя головой в поисках подсказанных ему прохожими примет. Я словно вижу склонившуюся над каменным забором смокву, калитку с железным затвором, тенистый сад, в котором ты, как я надеюсь, не в одиночестве коротаешь нестерпимо жаркие дневные часы. Воображаю себе, как ты отзываешься на стук у входа, как проходишь к калитке, приоткры-

ваешь ее и берешь в руки это письмо, ломаешь печать... А щедро одаренный матрос спешит к портовым кабакам, пропивать данную тобой милость...

А, может быть, все это будет совсем не так...

Ерунда, оставим... Сомнения еще никого не сделали счастливей.

В этот раз я взялся за стило, чтобы дорассказать тебе историю, начатую в прошлом послании. Помнишь, я писал о человеке, которого принесли ко мне раненым после того, как Еришалаим пал? Как ни странно, несмотря на его очевидную принадлежность к ненавистным мне зелотам, я оставил его у себя и ухаживал за ним, пока он не поправился. Раны его были тяжелы, но не смертельны, а сам он оказался интересным собеседником и мы немало времени провели в разговорах и воспоминаниях. Спасенный мною человек возраст имел более чем почтенный и помнил многое из того, что происходило в Иудее при императоре Нероне, при Клавдии, жестоком Калигуле и еще раньше – при грозном Тиберии. Ум его, несмотря на перенесенные лишения и мучившие его раны, оставался острым, речь правильной, что выдавало в нем образованного человека. Впрочем, ты же, наверное, знаешь, что среди сикариев и зелотов было много знатных, ученых людей, обладавших немалым богатством. Например, погибший в Мецаде Элезар бен Яир был из семьи первосвященников. Мой же гость Иегуда бен Иосиф принадлежал к роду александрийских банкиров, но жизнь свою провел вдалеке от дома: приняв идеи непримиримых, он покинул отчий кров.

Он много рассказывал о времени, в которое жил, и мало о себе.

Рассказ его коснулся странной истории, которая приключилась в нашей Иудее во времена правления Цезаря Тиберия. Уверен, что ты слышал, о существующей в империи секте, которая считает, что машиах уже приходил к народу Израиля – о минеях⁴? Обряды ее напоминают обряды Иоханана Окунающего (его еще называли Га-матбиль за то, что он смывал с верующих грехи, окуная их в воды Иордана), того, что был убит Иродом Антипой и его женой Иродиадой. А в малой части своей похожи на обряды ессеев, среди которых мне довелось прожить три года, когда я был молод. Говорят, что ныне в Иудее эту веру называют «нацрут», так как человека, основавшего ее звали Иешуа Га-Ноцри и был он галилеянин, родом из города Нацарет. Но минеи – более распространенное название сей секты в Ойкумене.

Случилось описываемое за семь лет до моего рождения, в годы, когда в наместником Сирии был Виттеллий, а в Иудее от имени Рима и Сената правил жестокий Понтий Пилат.

В то время, по словам Иегуды, и жил его друг, Иешуа, человек мудрый и добрый. О его деяниях в Иудее ходили легенды. После смерти Окунателя Га-Ноцри тоже снимал грехи человеческие водой, и многие из учеников Иоханана пошли за ним. Одно время даже был слух, что Иоханан – родич Иешуа по матери, но Иегуда, утверждал, что знал одного и другого – между ними не было общей крови, но была дружба и духовное сродство, что зачастую сплетает судьбы сильнее родства кровного. Смерть Окунателя, случившаяся в Махероне, очень огорчила Га-Ноцри. Многие были обозлены этой несправедливой казнью: Окунатель пользовался огромным авторитетом не только среди мирных жителей, но и среди непримиримых – канаим⁵, и подлое убийство этого человека в темнице вызвало волнение в народе. Ты знаешь, что в Иудее издавна любили пророков и истосковались по ним, так как вот уже много сотен лет Бог не давал земле Израиля тех, кто умеет глядеть через время. Слушая Иоханана люди говорили – он есть пророк! И когда его не стало, многие пошли за Га-Ноцри, уверяя, что теперь пророк он. Га-матбиль говорил людям, как жить, Иешуа же преподносил народу много удивительных вещей и деяний, рассказывал притчи, несомненно известные ему от фарисеев, так что для меня вполне очевидно, что был он человеком очень образованным. Я даже могу сказать,

⁴ **Минеи** – одно из первых названий ранних христиан.

⁵ **Канаим** (иврит) – зелоты.

что он наверняка получил свои знания в бейт-мидраш⁶. Как о всяком ярком проповеднике, о Га-Ноцри рассказывали небылицы. Говорили, что он из рода Давидова, что одним прикосновением излечивает лепру и падучую, оживляет мертвых, может одним уловом и несколькими хлебами накормить тысячи народа. Мой невольный гость Иегуда рассказывал, что на его проповеди собирались многие сотни слушателей, правда, чудес сам Иегуда не видел, но знал людей, которые были свидетелями необычному.

Но, сын мой, ты же знаешь, что я не склонен верить в чудеса, так как за шестьдесят с лишним лет моей жизни Яхве много раз показал мне свое огромное могущество над нашими судьбами, но ни разу не явил чудес. Время чудес ушло вместе с патриархами, Бог молчаливо взирает с небес на мучения избранного им народа, и мертвые остаются мертвыми, прокляженные – прокляженными, а лежковерные глупцы – глупцами. Когда Бог не творит чудес, чудеса творит вера в Него. Может быть, потому в каждое смутное время, в годину больших несчастий и сокрушающих устои перемен и появляется столько новых пророков, сулящих кто несчастье, кто спасение. Га-Ноцри обещал спасение и верил, что именно ему Яхве явит чудо и поможет освободить Израиль от римского владычества – так рассказал мне Иегуда. Минее же верят, как ты знаешь, что Иешуа был убит, но не умер, а вернулся к людям, чтобы нести свое учение и чтобы они уверовали в него. Об этом Иегуда мне не сказал, но иные умеют молчать так выразительно, что слова становятся лишними. Этот человек знал куда больше, чем говорил, но что стоят любые, даже самые правдивые истории о воскресшем пророке, если мы с тобой наверняка знаем, что жертва его оказалась бессмысленной? Почему бессмысленной? Все это было до моего рождения, сын, и с тех пор прошло немало лет, а Рим, несмотря на самоотверженность Га-Ноцри, все еще владеет Израилем. Но теперь больше нет ни Еришалаима, ни Храма, и остатки нашей веры хранят только те, кто пошел на соглашение с моим другом Титом. Те верные слуги Иеговы, что покинув осажденную столицу в гробу, осели в Ямнии, где теперь располагается сердце иудейской веры и еврейского мира. Они, предусмотрительно бежавшие с поля боя и сговорившиеся с сыном императора, не считаются предателями собственного народа, я же, открыто призывавший сохранить город и святыни тогда, когда еще возможно было что-то сберечь – проклят и изгнан из круга, к которому принадлежу по праву рождения. Справедливо ли это? Наверное нет, но для того, чтобы быть прощеным людьми, мне надо дождаться высшей справедливости!

Жизнь нашего народа никогда не была легка, путь всегда был тернист! Если и были периоды мира и благоденствия, то их предвещали жестокие испытания, а после них следовало падение. Может быть поэтому, а может и вопреки такому положению вещей, мы научились не сдаваться до тех пор, пока хотя бы один из нас остается живым. Наш народ боролся с эллинами-захватчиками и взял от них лучшее, не только принял их культуру, но и обогатил ее своими усилиями. Но мы не стали греками!

Потом пришли римляне, и мы вместе с греками начали бороться с их властью, забыв о том, что Империи всегда отдают больше, чем берут. Греки сдались, а мы все еще продолжаем бороться с захватчиками, забыв, что при Ироде они были почти соседями, просто разделившими с нами дом и хлеб. Мы не стали римлянами!

Да, мы платили дань побежденных, мы были провинцией, но, одновременно, и частью огромного жизнеспособного организма, который был готов защитить нас от внешней угрозы, поделиться знаниями, культурой, умением управлять и воевать, никак не покусившись ни на веру наших отцов. И нас это устраивало, но мы не прекращали своих попыток вырваться из-под имперской опеки. Мы просто не могли поступить иначе! Между несвободой и смертью

⁶ **Бейт-мидраш** (иврит) – иешива, дом учения, название института, являющегося высшим религиозным учебным заведением, предназначенным для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда. В определённые эпохи иешива выполняла также законодательные и судебные функции. В последние столетия служила и для подготовки учёных к званию раввина.

мы всегда выбирали смерть, не соглашаясь купить жизнь ценой покорности и смирения. Я признаюсь тебе, сын мой, в этом выборе – я больше римлянин, чем еврей.

Меня всегда спрашивали – а разве не важна свобода сама по себе? Отвечу им и себе – важна, но когда мне предлагают несвободу или смерть, я не выберу смерть. Потому, что смерть – это ничто. Это пустота, в которую, как в воды Стикса, навсегда канут судьбы и стремления целого народа. Оставшись в живых, ты всегда имеешь шанс изменить ход событий. Это небольшой шанс, но он есть. И евреи обрекают себя на вымирание, не желая признать, что временно отступить лучше, чем умереть навсегда!

Но я отвлекся, прости! Постараюсь более не прерывать повествования!

По словам моего гостя, Иешуа окружали двенадцать учеников, сопровождавшие его повсюду, которым он стал наставником и другом. Он ходил от синагоги к синагоге, от селения к селению, проповедуя, и приветал всех слушающих его, даже тех, кто потом обзывал его и гнал прочь – ведь для евреев нет пророка в своем городе. Те же, кто охотно воспринимал его истины, ходили вслед за ним, а иногда и впереди его, рассказывая об учении еще до того, как появлялся Га-Ноцри. Нравом своим и умением объяснять сложное самым простым, понятным каждому, языком он привлек не только многих евреев, но людей из других народов, в том числе эллинов и римлян, среди которых тоже появились его последователи. Их было немного, но они были. Евреи считали его машиахом, эллины же называли Христом, что на их языке означает то же, что машиах на нашем – Спаситель. Появление его в Еришалаиме на Пейсах вызвало ликование, он и вошел в Храм, как машиах, изгнав оттуда торговцев – где силой своих речей, где с помощью учеников своих, и храмовая стража не смогла противиться ему. Но когда молитва, которую он вознес в окружении учеников на Масличной горе, не дала ему желаемую силу, и Яхве не изгнал римлян из Израиля по его просьбе и с его помощью, народ охладил к нему.

Увидев, что арест Иешуа уже не грозит им бунтом, римляне, сговорившись с тогдашним первосвященником Каифой и его братом, распяли Га-Ноцри, как бунтовщика, вместе с другими преступниками-канаим.

Что удивительного, спросишь ты? Разве история казненного проповедника чем-то необычна? Отвечу тебе, сын. За свою жизнь я видел множество проповедников. Кое-кто надевал на себя маску пророка, кто-то выдавал себя за потомка древнего царского рода, кто-то просто призывал к бунту и неповиновению. Но смерть уравнила их. Слова их канули в безвременье, в неизвестность, тела сгнили в безымянных могилах. Учения умерли вместе с учителями – идеи редко переживают своих создателей. Здесь же иначе – те, кто любил Га-Ноцри при жизни, не прекращают любить его и теперь.

Они рассказывают, что на третий день после смерти, он явился им живой, и вера их в его воскресение поистине чудесна хоть и бесконечно наивна. Общины последователей Га-Ноцри есть у нас в столице, и в Элладе, я уверен, что и в Александрии тоже. Исход евреев из Эрец-Израэль словно течение рек и ручьев разнесло идеи этого человека по Ойкумене, и чем большие гонений испытывают исповедующие нацрут, тем большую значимость обретает их учение.

Нерон, обвинивший малочисленных и практически неизвестных на тот момент последователей Иешуа в сожжении Рима, оказал им великую услугу, ибо ничто так не возвеличивает учение, как направленная свыше ненависть. Мог ли мудрец и философ из Наирета, верующий иудей, проповедовавший любовь к ближнему и неприязнь к тем, кого считал захватчиками, помыслить о том, что кровопролитие и беспощадные убийства его соратников выведут учение минеев из забвения? Не в этом ли главная усмешка Бога, великая и злая ирония Яхве? История Га-Ноцри (а есть и подробности, изложенные мне Иегудой, о которых я, чтобы не утомлять тебя, умолчал!) достойна стать сюжетом для романа, драмы или исторического труда, и будь я хоть на десяток лет моложе, с удовольствием бы взялся за такой сюжет.

Но, увы...

В последнее время я не чувствую в себе сил начинать что-то новое, и прошу Бога дать мне время и возможность обдумать и поправить то, что уже написано. Но если Яхве продлит мои годы, то я обязательно запишу ее для последующих поколений. Наверное, Он не позволил мне умереть в Иотапате, дал дотянуть до почтенного возраста, сохраняя бойким стилем и зоркими глазами, чтобы история нашего народа не умерла, даже если евреи, как народ, канут в вечность.

Я оставил миру написанные книги и, надеюсь, что они переживут меня на многие годы. Хорошо бы, чтобы соотечественники приняли труды моего ума с такой же легкостью, как некогда отвергли само имя Иосифа бен Матитьягу после падения Иотапаты. Любой выбор, сделанный нами, фатален, сын мой. Все поступки оставляют след, и ничего нельзя исправить. Ничего.

Буду заканчивать, сердце мое – боль в спине (о, это злосчастное падение с лошади у стен Еришалаима!) стала нестерпимой. Я прилягу, и остальное – писать осталось совсем немного – продиктую своему секретарю. Не удивляйся, почерк его будет тебе незнаком! Прокл, прослуживший мне почти пятнадцать лет, умер две недели назад. Скончался ночью, не пробудив никого из домашних ни словом, ни звуком. А ведь он был на десять лет младше меня.

Не подумай дурного – я не жалею и не стараюсь обмануть судьбу! Но как же мне не хочется умирать, когда еще можно столько сделать! Смерти не боятся лишь фанатики и дураки, а человек любит жить, потому что это главный дар Яхве, вдохнувшего душу в кусок глины. И так не хочется снова становиться глиной прежде времени... Но кто знает, что нам отмерено? Что есть «прежде времени»?

Не обращай внимания на мои жалобы, сын мой. Просто весна в этом году против ожиданий запоздала, а кости мои совсем не переносят сырости, которая из-за постоянных февральских дождей бродит даже вокруг пылающих углями жаровен в императорском дворце. А в самом начале февраля в Риме даже выпал снег, которого здесь не видели много лет. Снег в Риме – удивительное зрелище, за те двадцать девять зим, что я провел здесь, это случается лишь второй раз.

Приезжай к маю, сердце мое, приезжай. Я надеюсь, что и брат твой отзовется на мою просьбу. Хоть ненадолго, на пару недель, чтобы вы могли ощутить прелесть столичной жизни и уделить несколько вечеров своему старику-отцу. Май – прекрасный месяц в Риме, впрочем, ты и сам это знаешь.

Твой отец

Иосиф Флавий

Глава 3

*Израиль. Наши дни.
Иудейская пустыня
неподалеку от Мертвого моря.*

– Что?! Я тебя сменю... – вскинулся Шагровский. – Сейчас, Рувим...

– Да, тише ты, тише... – улыбнулся профессор Кац, придерживая племянника за плечо. – Доброе утро, Арин... Уже не надо никого менять. Слышишь?

Вдалеке рокотали мотоциклетные моторы, и звук их скакал по ущелью какой-то торопливой, совсем несерьезной дробью.

– Едут, едут... – фальшиво пропел дядя. – По Берлину наши казаки!

– Далеко еще, – сказала Арин и поморщилась.

– Как рука? – спросил Валентин, приобнимая девушку за плечи. – Болит?

– Лучше, чем вчера...

– Покажи, – попросил Кац. – Давай посмотрим, как повязка, и я еще раз уколою антибиотик. Да не хватайся ты за автомат, Валентин, вспугнешь, не дай Бог! Им до нас еще километра два – в таком темпе минут тридцать... Слышишь, как осторожно едут?

Звук моторов то обрывался, то снова нарастал, но было очевидно, что погоня передвигается очень медленно. Ликвидаторы или искали следы, или боялись угодить под обстрел.

Рана на предплечье девушки за ночь взялась корочкой, но покраснение ушло – лекарство явно одержало верх в борьбе с инфекцией.

– Жить будешь, – пообещал профессор, вгоняя иглу в мышцу. – Рука двигается свободно?

– Относительно, – отозвалась Арин. – Но левая – не правая, автомат я удержу, не волнуйся.

Валентин задрал подол рубахи и посмотрел на свой подранный бок. Не так хорошо, как хотелось бы, но значительно лучше ожидаемого. Стоп! А дядя?

– Зад себе я перевязал, – опередил вопрос Рувим. – До чего ж позорное ранение! Сразу будет видно, что я бежал от врага...

– Если бы ты бежал на врага, – логично заметила Арин, – то, боюсь, ранение было бы куда более неудобным.

– Тут ты права, – согласился профессор. – Тем более что показывать шрам я не собираюсь. Разве что кто-то случайно увидит... Просто очень неудобно колоть себя в ягодицу. Меня чуть радикулит не схватил! Все, Арин, готово! Рука, как новенькая! Валек, давай-ка ты сюда...

Колол дядя Рувим так, что легче было выдержать второе ранение по касательной – оттянул кожу неподалеку от царапины и ковырнул иглой в складку. Шагровский зашипел, но не дернулся, опасаясь, что родственник царапнет по ребрам.

– Я прям как Айболит, – сообщил профессор, приклеив повязку на место. – Сам собой горжусь! А ведь всего-навсего прошел курс оказания первой помощи во время службы в армии,

правда, учили нас на совесть... Ну, что ж! Как говорит мой русский друг Беня Борухидершмоер – мастерство хер пропьешь!

– Ветеринары тебя учили? – спросил Валентин, с шипением натягивая остатки рубахи на больной бок. Если поднимать руку высоко, то в ребра стреляло. Впрочем, если бы не стреляло – было бы удивительно.

– Не умничай, шлимазл⁷, – хмыкнул профессор, аккуратно складывая аптечку. – Учили, как выжить и как заштопать друг друга, а не нежным поглаживаниям. Нам просто повезло, что вчерашних гостей оснастили в дорогу по всем правилам. Иначе были бы мы бедные и бледные...

– Мама в таких случаях говорит – имели бы мы бледный вид с голубым оттенком...

– Твоя мама знает, что говорит, – заметил дядя Рувим. – Арин, ты успеваешь следить за мыслью?

– Не волнуйся, – сказала Арин на русском, стягивая растрепавшийся «хвост» волос резинкой. – Я понимаю, куда лучше, чем говорю.

И продолжила на английском:

– Если мы протянем еще пару дней, я начну понимать ваш аргумент.

– Протянем, – пообещал Кац. – Нам просто некуда деваться. Обязательно протянем. Пошли ко входу, перекусим и проведем маленький брифинг.

Поднимались они в пещеру ночью, и Шагровский только сейчас увидел, что с позицией им повезло. Как дядя в темноте при помощи фонарика сумел найти тропинку, идущую по скальной складке, было загадкой. Пещер в скале было много – выше и ниже облюбованного ими убежища дырок в камне можно было насчитать больше, чем в куске польского сыра.

– Местечко отличное, – подтвердил дядя, грызя галету. – Но подпускать близко нельзя. Если кто-то бросит гранату...

Он покачал головой.

– Есть у меня надежда, что раз у тех, кого мы встретили вчера, не было гранатометов, то и у второй группы их нет. Гранатомет – это однозначно конец. Но вот ручные гранаты у них есть. Во всяком случае, в сумке у того, кому Арина проломила лоб, было четыре штуки.

Он продемонстрировал спутникам четыре черных гладких яйца, маркированных по боку серо-стальной краской.

– Один такой подарочек в наше гнездышко – и нас просто порвет на части. Ешьте, ешьте, голубки... Завтрак – самая первая вещь. Поедим ли еще сегодня – не знаю, а силы должны быть. Воду и пайки по рюкзакам. Контейнер тяжелый?

– Тяжелый.

– Можем припрятать здесь.

– Как ты думаешь, они обыщут пещеру, если нас отсюда выкурят?

– Да, – подтвердил профессор, подумав. – Обязательно. Значит, тащи с собой. Потерпишь?

Валентин кивнул.

– Ну, и хорошо, – сказал дядя Рувим. – Значит, так... Вариантов у нас два, детки... Первый – затаиться и ждать, пока нас найдут. Или не найдут...

– Найдут, – невесело улыбнулась Арин.

– Согласен, – кивнул профессор. – Вариант номер два... Принимаем бой, но не в лоб, а по-партизански! Ну, не может же у них быть здесь полк! И роты быть не может... Для засад тут идеальное место. Ужалили – спрятались. Еще ужалили – спрятались. Сколько б мы не убили или не покалечили – все нам легче. Задача не перебить их всех, а прорваться на запад...

– Почему не на север? – спросила Арин.

⁷ Шлимазл (идиш) – несчастье, неудачник

– Через горы? – осведомился дядя. – Ты карту на навигаторе смотрела?

– Да.

– До приморской дороги по прямой – не более 10 километров. Южнее, но значительно дальше – дорога на Арад. Оттуда – трасса на Бэер-шеву. Но нам туда, как до Киева, да на четвереньках! Мы вот тут, – Рувим ткнул пальцем в экран. – Считай, что сидим в глубине горного массива. От дороги 3199 нас отогнали еще ночью – ну, не было времени вокруг Мецады бегать! Вот мы и нырнули сюда... А потом ушли сюда. Видишь эти скалы? Тут сходятся в одно три ущелья... Здесь мы вчера немножко пропололи наших незваных гостей. Дальше у нас одна дорога. – Рувим прокрутил картинку навигатора. – Пока мы шли четко на восток, они могли двигаться по следу, как по рельсам. Но после этого разветвления картина поменялась. В основном, скалы тут не такие высокие, зато проходов между ними много. Сразу найти, в какой именно коридор мы нырнули, ну очень сложно! Все ущелья идут с востока на запад – так же, как потоки воды в сезон дождей. С запада они нас и теснят... Если бы я умел летать или лазить по отвесным скалам, я бы выбрал направление на север или на юг. А так... Мы или отступаем на восток, сдерживая их огнем, или пытаемся прорвать сеть и выйти на Эйн-Бокек. Я уж не знаю, с кем наверху они решали вопросы, но то, что местные полицейские не в курсе всех этих интриг, и реакция на мужиков с автоматами у них будет не простая, а очень простая – это, как говорит мой русский друг Бенья Борухидершмоер – как два пальца об асфальт...

– Не поняла? – переспросила Арин. – Зачем бить пальцами об асфальт?

– Идиома, – пояснил Валентин.

– Точно, – подтвердил профессор. – У нас половина языка – идиомы. Объяснить нельзя, только запомнить. Особенности менталитета. Ты привыкай, девочка моя, еще не то узнаешь. Мужчины на войне везде одинаковые, только слова звучат по-разному....

Он прислушался.

– Уже ближе... Ну, что, ребята? Начнем, помолясь? Арин, ты остаешься здесь! Ты у нас снайпер, так что бьешь все, что левее во-о-о-т той скалы. Никого близко не подпускай. Вот это тебе...

Кац положил перед девушкой две гранаты.

– Валентин, ты со мной.

Солнце уже успело разогреть и воздух и скалы. Несмотря на возраст, профессор резво сбежал по тропе и оседлал трофейный квадроцикл, забросив автомат за спину. Мотор внедорожника завелся с полпинка, зарычал, словно выражая недовольство тем, что ему на спину прыгнули двое чужаков.

Проехали они недалеко, буквально пару сотен метров, аккуратно до того места, где скалы сошлись, образуя горловину – Валентин с трудом вспомнил, как они протискивались в узкий проход прошедшей ночью. Дядя провел квадроцикл между массивными камнями и затормозил на широкой площадке, засыпанной мелким гравием.

– Годится, – сказал профессор, осмотревшись. – Самое то.... А ну-ка, племянничек, подоби.

Моторы преследователей уже гремели за ближайшим за поворотом. Времени практически не оставалось.

Не без труда они вкатили внедорожник двумя колесами на крупный валун, так, что машина стала боком, и дядя, выдернув чеку из гранаты, закрепил металлическое яйцо за задним колесом, так чтобы при попытке сдвинуть квадроцикл хоть на сантиметр прижимная планка оказалась свободной.

– Сюрприз, – сказал он, вставая с колена, – а теперь – за мной, бегом!

Они добежали до скал, перекрывающих проход в их ущелье, и заняли позиции с двух сторон, взяв на прицел квадроцикл и открытую площадку перед ним.

– Не старайся попасть в голову, бей в корпус, одиночными, – приказал профессор Кац. – После взрыва стреляй во все, что шевелится, и сразу же бегом к Арин. Как добежишь к месту нашей стоянки, в пещеру не суйся, прячься за валунами слева. Я займу позицию справа. Наша задача не победить, а как можно большее количество народу вывести из строя. Поэтому не играйся в Вильгельма Теля! Пуля в ногу – это, конечно, хуже, чем в голову, но для нас сойдет! Важно сковать их передвижение, а раненый связывает противнику руки лучше, чем мертвый.

Свой первый в жизни бой – вернее, ночной побег в никуда с вершины горы – Шагровский помнил плохо. Он и убитых им парашютистов практически не видел. Просто в какой-то момент он столкнулся с темной массой, которая, гремя, покатила вниз по камням, а в руках у него вдруг оказался «узи», и на уровне инстинкта пришло понимание, что для того, чтобы выжить, надо стрелять. Палец нажал на спусковой крючок, «узи» задержался, и пламя, вырвавшееся из ствола, озарило силуэты перед ним. Он качнул оружие слева направо, потом справа налево, поливая противников свинцом, увидел вспышки ответных выстрелов, и чужая пуля продрала ему бок, заставив завалиться навзничь. Но путь уже был свободен, и Шагровский побежал вниз, опасаясь, что они с Арин не удержаться на тропе, и полетят кубарем по крутому склону, чтобы разбиться о камни по дороге и...

Но «и» не последовало. Последовало тяжелое, суматошное бегство под палящими лучами здешнего безжалостного солнца. И некогда было думать об убитых, некогда было даже осознать, что он стрелял не на охоте, не в зверя, а в людей. Да, они были врагами априори, какие уж тут нужны доказательства? Но... Потом бойня в ущелье, где все решило уже не везение, а отчаянная храбрость и меткость этой странной девушки да своевременное появление дяди, внезапно сменившего личину пожилого профессора археологии на образ израильского Борна. И снова некогда было думать, что спущенный именно им валун расплющил одного из преследователей в блин. Только сейчас, на третьи сутки этого странного приключения, приключения, которое в любой момент могло закончиться смертью каждого из них, лежа на горячих камнях с трофейным автоматом в руках, Валентин с удивительной ясностью представил себе, что вот прямо сейчас, через несколько минут, начнет убивать ОСОЗНАННО. Не в панике во время бегства, а хладнокровно выцелив жертву. Ухватить автомат поудобнее, попытаться совместить мушку с целиком (это не знакомый со школы «калаш», а новомодная игрушка, вся, нахрен, интегрированная, так что сразу не поймешь, с какой стороны у нее подобие приклада, а с какой ствол!), навести на корпус противника и короткой очередью послать пули в цель.

Шагровский сглотнул. Рокот моторов бил по ушам, мощные машины были в нескольких десятках метров... Некогда, некогда думать! Вот и профессор приник к прикладу, готовый открыть огонь. Ему хорошо, ему не впервой... Шагровского прошиб холодный пот, и он понял, что никогда в жизни еще так не боялся. Даже тогда, когда ночью то ли бежал, то ли катился с Мецады кубарем, или когда прыгал на поднимавшего автомат ликвидатора прошедшей ночью. Он боялся так, что под враждебным, как ХАМАСовский боевик, пустынным солнцем, способным высушить тело досуха за считанные часы, ему стало холодно, и сгоревшая кожа на шее вдруг покрылась мурашками. Мурашки побежали по спине, юркнули под мышки и между ягодиц, заставив анус сжаться до боли, и мочевого пузырь Шагровского, удачно опустошенный с утра, вдруг начал стремительно наполняться мочой, адреналином и страхом.

А еще через секунду в ущелье въехал первый квадроцикл, и страх разлетелся на части разбитым зеркалом. Валентин едва не нажал триггер, но вовремя вспомнил приказ дяди и уже скрюченный усилием палец все-таки не дождал курок до конца.

Первым шел большой внедорожник, черный, с красными узорами на корпусе, и массивные пружины подвески тяжело сжимались, когда колеса переваливали через камни. В седле сидел одетый в пустынный «хаки» человек в шлеме, бронежилете со спецназовским «Н&К»⁸

⁸ «Хеклер и Кох» – немецкий пистолет-пулемет под натовский патрон 5.56x45 мм, популярная 53 модель очень часто

на груди. Увидев «броник» Рувим выругался про себя: стрелять в корпус обычными пулями мелкого калибра, когда на противнике жилет такой степени защиты, равносильно попыткам зашекотать врага до смерти! А он-то приказал племяннику бить именно в туловище!

Водитель в шлеме явно был разведчиком, другие ликвидаторы в ущелье пока не сунулись – остались под прикрытием скал, и профессор Кац отметил про себя, что это разумная осторожность. Он и сам бы поступил похожим образом – зачем рисковать, особенно после того, они нашли то, что осталось лежать в нескольких километрах отсюда. В том, что вторая группа ликвидаторов нашла тела товарищей, можно было не сомневаться.

Увидев полуопрокинутый квадроцикл стоящий в каком-то десятке метров от проезда, человек в хаки затормозил машину, но не резко, а просто сбросив газ при выжатом сцеплении, готовый бросить вездеход в сторону при первых же признаках опасности. Притаившийся в густой тени Рувим держал его на прицеле, усиленно кося вторым глазом в сторону племянника. Повлиять на события профессор уже не мог, оставалось надеяться, что Валентин не сорвется раньше времени и сообразит, что стрелять надо по конечностям или в голову. Хотя, тут надо умудриться еще и попасть хоть во что-то, а попадет ли по движущейся мишени человек без военного опыта и из непривычного оружия, можно было только предполагать и то с изрядной долей оптимизма.

Звук работающего движка глушил голоса – человек в хаки сказал что-то в уки-токи и, скорее всего, ему ответили. Он закрутил головой, безглазое забрало из зеркального стекла отразило солнечные лучи. Зайчики запрыгали по камням и Шагровский с Кацом вжались в камни, словно под градом пуль. Но, к счастью, ликвидатор ничего не заметил.

Двигатель вездехода умолк на полутакте – словно громадному клекочущему индюку скрутили шею. Моторы остальных квадроциклов продолжали монотонно бубнить за скалами.

Ну же, мысленно торопил противника Кац, ну же! Давай, зови остальных! Граната, взорвавшаяся в толпе – об этом можно только мечтать!

Но планы профессора явно не учитывали опыта противостоящих им вояк. Шарить по небольшому ущелью в одиночку не входило в первоочередные намерения человека в хаки, но и подставлять под выстрелы весь отряд никто не хотел. Из-за валунов выехала вторая четырехколесная машина с наездником – тот же бронежилет, шлем, только автомат был другой – винтовка М-16. Рувим невольно облизнул губы. Вот от такой пушки жилет не спасает!

Пока первый водитель не торопясь шел к заминированному квадроциклу, второй держал местность под прицелом, усиленно водя стволом по сторонам. Профессор замер в напряжении, наведя прицел на зеркальное забрало стрелка. Для точного выстрела расстояние было вполне – чуть больше двадцатипятиметровой дистанции обычного стрелкового тира. До заминированного наспех квадроцикла оставалось пять шагов... три... два... Граната ждала своего часа, зажата между небольшим камнем и колесом, а сама машина находилась в шатком равновесии – любая попытка повернуть руль или сдвинуть вездеход с места освобождала осколочный сюрприз. Только бы второй паскудник подошел чуть ближе! Хотя бы на пару метров ближе, чтобы наверняка достало!

Но второй водитель никуда подходить не собирался. Зато первый, обнаружив окровавленный кусок ткани, который Кац оставил как приманку под задним колесом, опустился на колено и

Вездеход качнулся, но остался на месте.

Профессор, не сводя ствола со стрелка, покрутил затекшей от напряжения шеей и почувствовал, как потную ладонь сводит судорога. Он едва не потянул за курок. Это было бы самым худшим решением, так как тот, второй, сейчас был в секторе обстрела Шагровского, а гаран-

тировать эффективную стрельбу малоопытного племянника, автомат которого смотрел между лопаток невольного минера, Рувим при всем желании не мог.

Человек в хаки снова качнул квадроцикл, и Рувим скорее ощутил, чем услышал, как отскочила прижимная планка.

«Вот, черт, – подумал он, выбирая слабинку спуска, – сколько же горит запал у этой...»

Шагровский увидел, как яйцо гранаты выкатилось из-под шасси правее ликвидатора, проследил поворот его головы...

Только в кино от взрыва гранаты люди летят, как с батута и крутят сальто в воздухе. В жизни все выглядит гораздо менее красочно, можно сказать – прозаично. Хлопок! Взрывная волна вместе с сотнями осколков хлестнула по квадроциклу и по не успевшему понять, что происходит человеку.

Пробивной силы кусков стальной оболочки не хватило, чтобы проникнуть сквозь керамическую начинку бронежилета, но оказалось вполне достаточно, чтобы прошить забрало, пластик шлема и напиговать железом незащищенные ноги и пах ликвидатора. Конечно, взрывная волна подняла человека в хаки и отшвырнула прочь, но не высоко и не далеко: на какие-нибудь полметра.

Со стороны это выглядело, как неуклюжее падение на спину, только упавший был мертв еще до того, как шлем ударился о валуны. Тело убитого защитило от взрыва его осторожного напарника, и во второго ликвидатора попало всего два мелких осколка, не способных нанести хоть сколько-нибудь значительный вред. А вот пуля, выпущенная профессором археологии, несмотря на небольшой калибр, непоправимый вред организму второго стрелка нанесла – просверлила в его голове дыру, расплющилась и вылетела через затылок, вынеся с собой кусок шлема и значительную часть мозга.

Шагровский выстрелить не успел, но зачем-то встал в полный рост, прижимая к плечу автомат.

– Отходим! – скомандовал Кац негромко, и тут же продублировал команду действием, на бегу ухватив племянника под локоть.

Сто метров – небольшое расстояние, но от усталости после двух дней погони и с дыркой от пули в заднице оно показалось профессору марафонской дистанцией. Уже ныряя на заранее присмотренные позиции, Рувим слышал, как по камням за их спиной зацокали гранаты – группа, оставшаяся за пределами ущелья, начала артподготовку подручными средствами.

Захлопали взрывы. На таком расстоянии осколков можно было не опасаться, но Кац на всякий пожарный прижал голову племянника к земле и прошипел:

– Ниже глобус держи, ниже!

Шагровский посмотрел на родственника безумными глазами, но кивнул: мол, все понял, не волнуйся.

Волноваться было от чего.

Боеприпасов у противника оказалось вдосталь, и на месте недавнего столкновения разорвались с десятков гранат подряд. Несколько из них рванули прямо рядом с неподвижными телами мертвых ликвидаторов, калеча бездыханные трупы еще больше. Осколки исхлестали и квадроциклы – запах вытекающего бензина, смешанный с вонью взрывчатки, был слышен даже на солидном расстоянии.

Дым и пыль рассеялись, и почти сразу загорелся красный светодиод на трофейном уоки-токи, который молчал с ночи – тогда пропавший передатчик предусмотрительно выключили из общей сети.

Валентин и Кац переглянулись.

Рация снова зажужжала, огонек замигал.

– С нами хотят поговорить, – сказал профессор, ослабившись. – Кажется, они восприняли нас серьезно, племянничек! Слушаю, – произнес он в микрофон, не сводя глаз и ствола с прохода между скалами.

– Здравствуйте, профессор!

Голос был тот же, что слышался из динамика в предрассветные часы. Тогда говоривший представился, как Вотчер – трудно было не вспомнить тембр и интонации. Даже уверенности в голосе не убавилось, хотя любой командир, потерявший уже семерых из двенадцати подчиненных, должен был чувствовать себя не совсем уютно.

– Здравствуй, Вальтер, – сказал Кац в ответ, стараясь, чтобы в голосе не была слышна отдышка. Все-таки возраст давал о себе знать, удержать дыхание после стометрового спурта на жаре Рувим уже не мог. – Ты, наверное, рад меня слышать?

Некоторое время рация шипела вхолостую – с той стороны переваривали информацию, размышляли, как себя вести.

– Конечно рад, профессор! – отозвался наконец голос Вотчера. – Хотя знаю я вас недолго, но такое знакомство со столь известным человеком всегда приятно. Заранее сожалею, что будет оно недолгим....

– Мне тоже жаль, – поддержал насмешливый тон собеседника дядя, и легкая ирония, слышавшаяся в его голосе, настолько контрастировала с напряженным выражением вспотевшего лица, что Шагровский в очередной раз подивился тому, как владеет собой этот близкий ему, но совершенно незнакомый человек. – Но что поделаешь? Я понимаю, что в итоге один из нас должен будет уступить позицию другому.... Кстати, Вальтер, хочу вас спросить: что же вы так жестоко обращаетесь с телами погибших товарищей? Просто страшно смотреть....

Вальтер хмыкнул.

– Станный вопрос. Я полагал, что мы оба прагматики. Они же мертвы, не так ли? А мне нужно достать вас.... Что поделать, профессор Кац? Чисто деловой подход.

– Смотри за верхушками скал, Валек, – произнес дядя негромко, отпустив клавишу передатчика уоки-токи. – Если что – стреляй. Он заговаривает нам зубы....

– Не хотите ли послушать мои предложения? – спросил немец тем же дружелюбным тоном. – Ведь нельзя вечно тянуть партию? Ясно, что ваша позиция проигрышна...

– Будете предлагать сдаться?

– Буду.

– Не тратьте время, Вотчер.

– Вы же понимаете, что ваше поражение – вопрос нескольких часов.

– Спешите? – спросил Рувим. – Конечно же, спешите.... Вы, наверное, и два дня назад думали, что справитесь за несколько часов? И как? Получилось?

– Практически – да.

– Не думаю. Практически у вас получилось убить безоружных ребят из моей экспедиции. И больше ничего.

– Странно, – Вальтер превосходно владел собой. Интонации его оставались неизменны, разве что в плавной английской речи вдруг проявился небольшой немецкий акцент. – Это у меня ничего не получилось? Вы, господин Кац, отрезаны от людных мест. С вами ваш племянник, к которому у меня теперь свой личный счет, и ваша ассистентка. Я видел использованные шприцы, ватные тампоны с кровью, значит, кто-то из вас ранен. Вам временно повезло, не более того. Но везение потому и называют везением, что оно заканчивается. А после него наступает суровая реальность. И эта реальность такова: через час, два или три я вас достану. Вы убили моих людей, но не всех, Кац, далеко не всех. Вы и не понимаете, какие силы за вас взялись. У мертвой селедки в бочке с солью шансов выжить больше, чем у вас...

– И поэтому я должен сдаться? – спросил Рувим.

– Я не могу предложить вам жизнь, – сказал Вотчер. – У меня нет на это права. Звучит банально, но ничего личного, профессор. Есть приказ. Он будет выполнен. Но я могу предложить мгновенную смерть. Если же мне придется за вами побегать, смерть будет очень нехорошей....

Шагровский увидел шевеление на скале, закрывавшей ущелье слева. Она была значительно ниже той, что справа. Он бы и сам выбрал для подъема именно ее. Валентин располагался в густой, почти непроницаемой тени отбрасываемой крупным валуном, и рассмотреть его можно было только через мощную оптику, и то, если знать, хоть приблизительно, местоположение.

Разогретый пластик приклада коснулся щеки – Шагровский взял замеченное шевеление на прицел, еще не решив, будет ли стрелять.

– Я вот все думаю, – дядя уловил движение Валентина и медленно кивнул головой. – Сколько времени у тебя еще осталось, Вальтер? Ну, не могут здешние власти долго ничего не предпринимать в такой ситуации – с кем бы твои хозяева не договорились. День, два, от силы три – и все. Это уже предел лояльности – потом тут начнутся такие пляски с бубнами, что я бы даже врагу не посоветовал дожидаться их результата. Это моя страна, моя армия. Пока они молчат по приказу, поверь, молчат с недоумением, но потом.... Особенно, когда узнают за кем ты бегаешь, а мое имя в войсках знают очень хорошо! Да у Бен-Ладена в центре Иерусалима будет больше шансов выжить, чем у тебя, в какую бы щель ты не забился. Тебя даже не разорвут, тебя разнесут на молекулы....

Рувим взглянул на часы.

– Так что, Вальтер, спасибо за предложение, но мы еще побегаем. Все по-честному – успеешь ты, повезло. Не сумеешь – не обессудь. Странно, что ты не пообещал нам жизни за рукопись. Ведь мог пообещать....

– Ты бы поверил? – спросил Вотчер.

– Конечно же – нет....

Теперь Шагровский был уверен, что уловил движение. Наверху скалы, прячась за невысоким гребнем из красного здешнего камня, крался человек. Задержав дыхание, как когда-то учил его проводник-якут в Хабаровском крае, Валентин совместил целик, мушку и силуэт, а потом плавно потянул за спуск.

Раз-два-три!

Автомат, поставленный на стрельбу короткими очередями, дернулся в руках, выплюнув три пули подряд. Отдача была невелика, Шагровский легко вернул ствол на исходную прямую прицеливания и снова нажал на триггер.

Раз-два-три!

Расстояние для прицельного огня из короткоствольного оружия было почти предельным: сто шагов – это та дистанция, на которой автомат, спроектированный для ближнего боя становится неэффективным, пригодным только для стрельбы по площадям. Но внешность трофейного бельгийского чуда, случайно попавшего в руки Шагровского этой ночью, была обманчива.

Походивший на фантастический бластер из дешевого телесериала пистолет-пулемет, был создан как оружие, способное поражать противника в бронежилете на расстоянии двух сотен метров, изготовлен на заводе фирмы FM Herstal неподалеку от Брюгге, куплен полицией Саудовской Аравии шесть лет назад для экипировки отряда специального назначения, и благополучно передан подразделению под командованием Вальтера перед самым началом операции.

Высокоскоростные пули прошли сухой воздух пустыни, как по линейке – отклонившись на несколько миллиметров от заданной траектории. Четыре из шести прошли мимо, но одна из пуль первой очереди ударила в камень и бросила мелкую крошку в лицо поднявшемуся на скалу стрелку.

Осколок гранита рассек ликвидатору бровь, тот выругался, зажимая рану рукой, склонил голову, и последняя, шестая пуля попала ему в плечо – между шеей и ключицей, в самый край жилета. Заостренный стальной наконечник прошил кевлар, словно нейлоновую ночную рубашку. Потеряв только часть своей сумасшедшей скорости, убойный снаряд прошил тела стрелка сверху донизу, и уже на излете застрял в позвоночнике.

Слово «fuck» было последним, которое произнес при жизни двадцатисемилетний уроженец ЮАР, а с такими словами, как известно, в рай не пускают.

Ни профессор, ни Валентин не были уверены в попадании – просто шевеление на вершине скалы прекратилось.

– В кого стреляешь? – спросил Вальтер насмешливо.

– Вот уж не знал, что у тебя в команде есть скалолазы.... Не бережешь ты людей, Вотчер, не бережешь.... Так скоро один останешься.

– Вотчер я для коллег, – поправил дядю невидимый собеседник. – Для тебя я Вальтер, раз уж ты решил, что знаешь, как меня называть. Не путай. О моей команде не волнуйся. Каждый из них знает, на что и за что идет. И людей у нас больше, чем ты можешь предположить.

– Он тянет время, – сказал Шагровский одними губами. – Он хочет, чтобы мы оставались здесь. Ждет чего-то....

Кац кивнул.

– Лучше бы ты нанял настоящих профи, – произнес он в микрофон рации, – а не брал тех, кто подешевле. Ты потерял двоих в ночь нападения на мою экспедицию, еще четверых мы прикончили вчера в пустыне. Трупы еще двоих я с удовольствием разглядываю сейчас без бинокля, а еще один твой профессионал, тот который вообразил себя скалолазом, начал вялиться на солнышке минуту назад. Итого – восемь ноль в нашу пользу. Тех, кого ты убил из-за угла, я тебе не зачитываю! Хорошая арифметика, как ты полагаешь? Нравится? Вас же всегда двенадцать, Вальтер? И ты – тринадцатый? Символично.... Тринадцать – чертова дюжина. За пределами добра и зла. Но тринадцать минус восемь будет пять. Всего пять. Мне кажется, ты ошибся с выбором объекта. И с профессией тоже. Тебе, Вальтер, надо было бы быть парикмахером....

– Почему парикмахером? – спросил немец, и в его интонации наряду с удивлением уже сквозило нешуточное раздражение, чтобы не сказать злость.

Валентин понял, что дядюшка старается выбить противника из колеи, вынудить на слова и действия, которые были бы невозможны в трезвом уме и рассудке. И задумка могла оказаться успешной.

– Потому что только будучи парикмахером, ты сможешь кому-нибудь безнаказанно перерезать горло. По другому ты просто не умеешь! Ты просто еще не сталкивался с настоящим противником – потому до сих пор жив. Вы – банда дилетантов, способная только расстреливать безоружных....

Профессор взмахнул автоматом, приказывая Шагровскому начать отход и сам с неожиданной ловкостью выскользнул из своего тесного убежища между валунами, продолжая говорить в микрофон уоки-токи:

– Ты, наверное, считаешь себя военным, элитой, а на деле – ты простое пушечное мясо, не способное справиться со стариком и двумя любителями. Да в моем дерьме больше мужества и профессионализма, чем в тебе и твоём сбороде....

Он так довел Вальтера до бешенства.

Валентин с дядей едва успели шагнуть за скалу, как по камням хлестнуло свинцовой плетью. Откуда стреляли, было не рассмотреть – да они и не смотрели: уже неслись во весь дух к своей пещере, под прикрытие автомата Арин. Та, увидев своих, выскочила на каменный карниз, неловко поддерживая оружие за ствол раненой рукой.

– Целы? Вы целы? – голос девушки выдавал напряжение последних минут.

– Целы... – просипел профессор, подбегая. Валентин держался сзади, то и дело оглядываясь через плечо. – Ох, и весело сейчас будет, если не успеем...

– В пещеру? – спросил Шагровский, поравнявшись с дядей.

– По тропе, навверх, – выдохнул тот, подхватывая Арин под руку. – Навверх, нам надо успеть перебежать назад, пока они будут искать нас здесь. Я для этого их и злил. Теперь у него одна мысль – разорвать меня на части. Быстрее, ребята, быстрее...

На вершину скалы они не взбежали – влетели, и Валентин в очередной раз удивился физической кондиции родственника. Если в свои шестьдесят с лишком он был таким, то каким же он был лет в тридцать? Сам Шагровский, сравнительно молодой, тренированный, опытный, чувствовал себя так, будто бы по нему проскакал небольшой табун лошадей. Болела каждая клеточка тела, льющийся с небес жар превращал мозги в булькающее желе, пот застилал глаза. Хотелось лечь в тень и умереть, не было желания даже пить. Перед глазами пульсировали черные дрожащие шары и сердце поднималось из груди к горлу. Но раскисать возможности не было. Он забросил рюкзак за спину (контейнер больно треснул по лопаткам) и, пригибаясь, понесся по неровному хребту скалы вслед за профессором и Арин, прыгая через трещины, как горный козел.

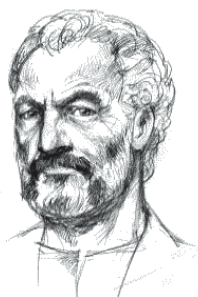
Глава 4

*Греция. Остров Патмос.
Ноябрь 1100 года.*

– Я старею, – подумал Спирос и, сдержав стон, помассировал больное плечо. – Проклятая осень.

Порванный сустав дал о себе знать еще на Родосе, где целую неделю с неба лило так, что невольно вспоминалось, как «разверзлись хляби небесные» и мир канул на дно океана. Первые два дня непогоды море было сравнительно спокойным: дождевые струи хлестали волны безостановочно и безжалостно и те, посеревшие, морщили спины и зло плевали на берега белой грязной пеной. На третий день терпению вод пришел конец, и разразившийся шторм загнал в гавань не только рыбацьи лодки, но торговые корабли, едва успевшие выйти из гавани в плавание. Буря была так сильна, что вернуться под прикрытие скал для некоторых оказалось невыполнимой задачей – две галеры пропали в ночи, и конный гонец, прибывший с юга на исходе третьего дня непогоды, рассказал, что их обломки разметало по берегу до самого Линдоса, а тела погибших то и дело выбрасывает на скалы. Пусть Господь спасет их грешные души!

Спирос

Услыхав дурные вести, сидящий у камина Спирос лишь поплотнее запахнул отсыревший плащ да крикнул трактирщику принести еще вина и горячего бараньего рагу с лепешками. Он соскучился по пряной, пахнущей летом и травами пище родных мест. Пресная кухня бриттов с их страстью к полусырому мясу и кислому, как ослиная моча, бледному элю, в котором плавали осенние мухи, червячки и листики, надоела ему, как и вечно сочащий сыростью небосвод. Надоели бледные, словно мучные черви, женщины, которых не мог сделать ярче и привлекательнее даже рыжеватый цвет волос. Спирос был сыном юга и любил все южное, яркое, брызжущее жизненными соками – Англия была слишком холодна для него.

Конечно, Британия – тоже остров, но разве можно сравнить эти острова – благословенные Родос и Патмос – и те: окруженные вечно серым морем, низким, провисшим от тяжести дождевых туч, небом...?

Он поежился от воспоминаний.

Поздняя осень не лучшее время года для здешних мест, но у бриттов лето от осени трудно и отличить....

Он провел в праздности все семь штормовых дней, и за это время, наверное, выпил половину винного погреба – богатого и разнообразного. Трактирщик, обрадованный расточительностью гостя, сдал ему лучшую комнату на втором этаже – через нее проходила печная труба и от белой шершавой поверхности круглые сутки исходило приятное, сухое тепло и легкий запах прогретой штукатурки. Это было прекрасно – ничего не делать, слушать, как за мутным стеклом стучит по крыше пристройки дождь, спать, когда захочется и сколько захочется и никуда – НИКУДА – не спешить.

Спирос изголодался не только по греческой кухне и вину, но и по пряному вкусу здешних женщин – постель его во время вынужденного отпуска не пустовала. Гулящих девок он не любил, брезговал, но Родос – город портовый, и множество молодых и не очень молодых матросских вдовушек или просто веселых женщин, не обремененных стыдливостью и излишней скромностью даже не искали повода отказать в ласках видному рослому незнакомцу – темно-глазому, с гривой белых от седины, но все еще кудрявых волос.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается.

На исходе седьмого дня шторма небо на западе просветлело, ветер, терзавший облысевшие деревья, утих, и на остров спустилась тихая, как дыхание ребенка, ночь. Только волны все еще не могли поверить в то, что шторм закончился и им больше не нужно отчаянно и монотонно биться о каменные молы портовых укреплений.

В ночь после бури Спирос спал один, вольно раскинувшись на низкой широкой постели. Спал без сновидений, крепко, не обращая внимания на мышь, царапающую пол у самого порога. Осмелевшая луна заглядывала в его комнату сквозь вымытое дождем окно, освещая сухошавое тело гостя – мускулистое, с широким торсом, мощными руками и тренированными ногами путешественника и всадника. Если не брать в расчет седину, скрытые ночными тенями морщины да несколько старых грубых шрамов, уродовавших кожу спящего, его вполне можно было принять за молодого человека.

Оставшийся до Патмоса путь обещал быть легок и недолг, а после приезда, во всяком случае в ближайшее время, он не собирался пускаться в новые путешествия, но Спиросу так хотелось допить последние капли блаженного ничегонеделания, что он впервые за много лет едва не проспал время отплытия. Благо, что кораблей в порту скопилось более трех десятков, и, придя в порт через час после рассвета, грек успел купить себе место на торговой тариде, направлявшейся на Патмос.

Сейчас, когда судно, ведомое к пирсам знакомой с детства гавани опытным шкипером, готовилось в швартовке, Спирос, стоя на носу, глядел на каменистый склон, становившийся ближе с каждым гребком, и потирал разболевшееся плечо.

В сущности, все эти годы ему везло. Можно было, не напрягаясь, насчитать десяток раз, когда смерть должна была обязательно взять его себе, и еще два десятка случаев, когда шансы умереть или выжить делились половина на половину. А он все еще был жив. Жив, вопреки здравому смыслу, но кого волнует здравый смысл в момент, когда хочется уцелеть и ты выворачиваешься из объятий Костлявой каким-нибудь невероятным способом?

Спирос, который умирал от жажды и истощения в пустынях, тонул вместе с кораблями в морях, загибался от комариной лихорадки в болотах дельты Нила и едва не отдал Богу (или дьяволу) душу после ранения в живот, знал толк в науке выживания как никто другой.

Весла тариды споро убрали на палубу, и просмоленные доски корпуса судна коснулись причала. Взлетели в воздух швартовочные концы...

– Дома... – подумал Спирос, подхватив на плечо дорожный мешок. – Неужели я снова дома?

Махнув рукой капитану, он легко, как молодой, перемахнул через борт тариды на низкий причальный настил, в пять шагов взбежал по деревянному трапу, ведущему на берег, где у скал все так же, как много лет назад, теснились сараи портовых складов.

Никто не обратил внимания на незнакомого и, если присмотреться, немолодого путешественника, спустившегося с корабля на твердую землю. Вокруг суетились грузчики, прошагал куда-то, держа в руках бархатный мешочек с личной печатью, здешний чиновник таможи (его легко можно было определить по серьезному и надменному выражению лица), двое вооруженных монахов прошествовали мимо, мазнув по приезжему невидящими взглядами. Спирос был дома, но его никто не ждал. И в этом не было ничего удивительного. Удивительно, скорее уж, было то, что он все еще воспринимал Патмос, как родину.

Он зашагал по дороге, ведущей в гору.

Тропка, которой он пользовался в детстве, до сих пор не заросла, видать местные мальчишки по-прежнему срезали здесь дорогу, но сворачивать с тракта Спирос не стал – он хорошо помнил крутизну подъема и не решился одолевать склон. Тем более хотелось пройтись не торопясь, выискивая знакомые места, а не карабкаться по скалам, подобно здешним баранам.

Осенний день был прохладен и наполнен каким-то дрожащим призрачным светом, как часто бывает накануне наступления холодов, когда промытый дождями воздух неправдоподобно прозрачен и свеж. Сожженная летом трава отошла от ожогов и зазеленела: яркие, сочные кустики ее то тут, то там высывались из-под камней. Кое-где над поздними соцветиями гудели сонные, тяжелые пчелы. Порывы легкого, пока еще робкого ветерка, который обязательно повзрослеет к декабрю, заставляли виться в воздухе тонкие нити паутины с прильнувшими к ним паучками-воздухоплавателями. Было так хорошо, что хотелось замереть и не дышать, чтобы не вспугнуть этот день, балансирующий на тонкой грани между летом и поздней осенью, но грек продолжал упорно идти наверх, к синевшему над островом небу.

Дорога наконец-то взобралась на гребень, и Спирос замер, разглядывая высящийся на месте старого храма монастырь. Хорошо видимый с моря, вблизи он выглядел еще мощнее и массивнее, чем представлялся на расстоянии. Не монастырь, а настоящая крепость, за каменными стенами которой можно пересидеть самую долгую осаду. От источенных веками плит, под одной из которых маленький Спирос когда-то нашел старинную монету, не осталось и следа – массивные блоки фундамента разрушенного храма, вероятно, пошли на строительство нового. В дело скорее всего пошли пьедесталы от скульптур, остатки колон и портика – грек поискал глазами место, где они когда-то лежали, наполовину вросшие в землю – теперь там не было ничего. Монастырь съел весь даровой камень, нашедшийся в округе, выгрыз в теле Патмоса огромные щели каменоломен ниже по склону, и, наконец-то, вознесся в облакам, на которых некогда восседали местные боги. Нынче для них не было места на острове. Теперь Бог был один.

Оставалось пройти совсем немного – пару сотен шагов до моста через ров (ров был неглубок и безводен, хотя при поднятом настиле подвести стенобитную машину или таран к воротам было достаточно сложно), но Спирос не спешил постучать в двери обители. Он медленно прошагал к месту, откуда было видно старую деревушку и бывшую таверну отца, снял с плеча дорожную сумку и уселся на едва теплый камень, зависший на склоне в самом начале вросшей в землю осыпи.

За прошедшие годы деревушка преобразилась – меж возмужавших олив расплзлось разноцветье крыш, среди традиционных плоских теперь попадались черепичные. Дома подросли, сверкали хорошей известковой побелкой, которую не смогли попортить начавшиеся осенние ливни. Теперь зданий было много, значительно больше, чем помнил грек, и зелени было больше...

Таверна отца осталась стоять такой же, какой Спирос запомнил ее в день отъезда – словно не было всех этих лет, отделявших постаревшего мужчину от его детства куда надежнее, чем

ров, опоясывающий мощные монастырские стены. Он разглядывал веранду, деревянные столы на ней, виноградные лозы, жадно оплетавшие столбы навеса. Спирос даже вспомнил вкус винограда, который давала именно эта лоза – терпкий, с легкой кислинкой, притаившейся в мякоти. Как эта кислинка пощипывала губы и язык, когда он раскусывал дымчато-лиловую, подернутую белой пылью, как туманом, виноградину...

Он сам не заметил, что ноги уже несут его по тропинке вниз, к дому, который он когда-то называл родным. Таверна была открыта, дверь, ведущая в тесную комнату – обеденную залу, в которой зимою едва помещался десяток рыбаков, – распахнута. Над печной трубой вился легкий дымок, пахло жареной рыбой, яблоками и сушеным базиликом.

Спирос сел на веранде, положил на каменный парапет мешок и оружейный пояс с пристегнутым к нему мечом. Без оружия он чувствовал себя обнаженным, но тут и сегодня вполне мог пренебречь привычками. Конечно, можно было вообразить какую-нибудь смертельную опасность, грозящую ему в этой глуши, но для этого легату явно не хватало фантазии.

Не хотелось думать об опасностях и смерти. Теперь это казалось далеким, как оставшаяся далеко на северо-западе Англия... Теплый осенний день и воспоминания, ставшие приятными за давностью лет – вот что было главным сегодня. Вот здесь, между столами, косолапил его отец, разнося посетителям еду в поцарапанных глиняных мисках. А мама в это время готовила у печи или месила тесто на большом столе у окна, и руки у нее были в муке. Ах, как восхитительно пахли мамины хлебцы, теплые, с хрустящей корочкой! Как вкусны они были с кислым козьим молоком, таким жирным, что его приходилось есть ложкой!

Он не сразу понял, что кто-то стоит рядом с ним, а сообразив, едва не схватился за клинок, только усилием воли заставив рефлексy молчать.

– Калимера!⁹ Что хотите поесть, господин? Что хотите выпить? Прекрасный день сегодня!

Трактирщик был малоросл, возраста неопределенного, заросший бородой по самые брови. Из мохнатого беспорядка на лице сверкали живые темные глаза. Портрет дополняла безрукавка из черной овечьей шерсти, надетая поверх полотняной рубахи. Казалось, что и через ткань наружу прорастают курчавые волосы.

Трактирщик не походил ни на кого из тех островитян, кого сохранила до сегодняшнего дня память Спироса. Возможно, приехал на Патмос вместе со строителями или когда вокруг монастыря стали во множестве селиться пришлые. А может быть, таверну купил отец нынешнего трактирщика? Между прошлым и настоящим невозможно перебросить мост, слишком глубока пропасть, слишком много воды утекло.

Все эти годы Спироса ровным счетом ничего не связывало с островом. Даже воспоминания, ожившие сегодня с необъяснимой ясностью и силой, еще вчера были смутными тенями. Спирос не знал, когда именно умер отец. Ираклий сообщил об этом событии, а Спирос воспринял новость без особых эмоций: где-то далеко на маленьком островке посреди моря, умер человек, который когда-то назывался отцом, и который с облегчением продал сына, а вместе с ним и все проблемы по его воспитанию, приезжему за пять золотых солидов¹⁰. Этот поступок дал сыну шанс построить новую, собственную жизнь, проходившую вдали от дома, и Спирос до сих пор помнил свой безграничный восторг, когда увидел руку отца, сгребавшую со стола монеты.

⁹ Калимера (*греч.*) – доброе утро.

¹⁰ Салид (от лат. *solidus* – твердый, прочный, массивный) – римская золотая монета, выпущенная в 309 году н. э. императором Константином. Веса 1/72 римского фунта (4,55 г). Она заменила в качестве основной золотой монеты ауреус. В 314 году введена в западной части Римской империи, а в 324 году – на всей территории империи. Длительное время оставалась основной монетой и денежно-счетной единицей Римской империи, затем Византии. Греческое название византийского солида – «**номизма**», в Европе его чаще называли «**безант**» или «**бизантин**». Кроме солида, чеканились также золотые монеты в 1/2 солида («**семис**») и 1/3 солида («**триенс**», вес 1,52 г; в Византии больше известна как «**тримисс**»).

Свободен! Он – свободен!

Только потом, много времени спустя, он почувствовал обиду – слишком легко и спокойно самый близкий ему после смерти мамы человек отказался от прав на сына...

В это обиде не было никакого смысла, потому что того проданного мальчика – Спироса – давно не было на свете. С того самого дня, как тарида отчалила от обугленного причала и большой мир распахнул перед маленьким путешественником свои необъятные просторы, Ираклий дал ему новое имя – Филипп. Хорошее имя. Звучное. Вкусное. Несущее в себе судьбу.

– Вина, – попросил Спирос, щурясь на солнце, как египетский кот. – Принеси-ка мне вина, хозяин. Этот год был хорош?

– Да, господин, год был хорош. У нас превосходное вино.

– Принеси кувшин. И воды. У тебя есть родниковая вода?

– Да, господин, есть...

Трактирщик махнул рукой в сторону пристройки, где из скалы бил источник с такой вкусной и холодной водой, при одном воспоминании о которой у Спироса ломило зубы.

– А что вы будете есть, господин?

– Сыр, вяленое мясо, хлеб. Похлебку уже сварили?

Легат был уверен, что список блюд, которыми потчевали гостей в таверне, остался неизменным.

– Конечно, господин! С ужина осталась рыба. Она холодная, но вкусная. Хотите попробовать? Я возьму за нее полцены.

– Неси, – приказал Спирос. – Но сначала воду и вино.

Он вытянул ноги, скрестил руки на груди и принялся ждать, пока хозяин принесет ему выпить.

Он привык ждать. Его работа на три четверти состояла из ожидания и лишь на четверть из действий. Ждать, сидя на заблудившемся осеннем солнышке, пока в погребе наполняют вином кувшин, было приятно. Значительно приятнее, чем кормить клопов в придорожной гостинице, напоминающей хлев, в нескольких милях от Гемпшира...

Глава 5

*Август, 1100 год. Англия.
Нью-Форест. Гемпшир.*

Дорогу развезло.

Лошадь недовольно фыркала, оскальзываясь, и Филипп был вынужден править к обочине: плотный ковер травы, растущий по краю, был лучше, чем жидкая грязь посередине тракта, хотя и на траве подковы держали плохо. Жеребец, купленный за большие деньги, оказался пуглив, как лесной олень, постоянно приседал на задние ноги, частил, выравниваясь, и тряс небольшой костлявой головой.

Филипп слегка ударил его коленями, и конь нехотя пересек мелкую лужу, протянувшуюся от обочины к обочине, оставляя круги на мутной коричневой воде. Сквозь рваные тряпки облаков просвечивало утреннее солнце. День обещал быть теплым, лес начинал высыхать и исходил паром, прогревающийся воздух дрожал.

– Через час будет нечем дышать, – подумал Филипп и негромко выругался.

Шерстяная охотничья куртка набрякла ночной влагой и отчетливо издавала запах псины, словно была соткана не из шерсти здешних овец, а сшита из плохо вычиненных собачьих шкур. Филипп вспомнил одеяло, которым был вынужден укрываться прошедшей ночью, и содрогнулся. Кожа зудела от укусов насекомых, он не выспался и чувствовал себя разбитым, но, по крайней мере, был живым. Останься он ночевать под открытым небом и больная поясница была бы самым меньшим злом, которое ему грозило. Ночью дороги Гемпшира были небезопасны для одинокого путника. Особенно для хорошо одетого всадника, будь он хоть сто раз вооружен и опытен в боях. Здешние крестьяне никогда не отличались зажиточностью, зато отличались завидной сообразительностью и умением орудовать тяжелыми дубинами. Что крестьяне! Здешние помещики тоже не брезговали кошельками незнакомых проезжих и их лошадьми, особенно если были уверены в безнаказанности. От ночных разбойников одинокого путника не защищали ни меч, ни охранная грамота, грабили, бывало, и днем, поэтому следом за Филиппом ехало трое вооруженных солдат, услуги которых он купил еще неделю назад, пускаясь в путешествие.

Все тщательно продуманные планы сломал шторм, налетевший внезапно, как всегда в этих водах, и превративший торговый барк в обломки за каких-то полчаса. Из его Двенадцати плавать умели трое, включая его самого, остальные пошли ко дну не более, чем в стадии¹¹ от скал, и на берег Британии он вступил не во главе организованного отряда, а лишь с двумя членами Легиона, практически безоружным, но зато с золотыми монетами в поясе под одеждой. Хоть вес золота едва не отправил его, плавающего не хуже рыбы, на дно, Филипп пояс не сбросил – только деньги могли помочь ему завершить начатое. Случись кораблекрушение весной или осенью, и миссию можно было считать проваленной – не спасся бы никто. Даже в теплом июле вода пролива, который франки называли Ла-Манш, была холодна, как воды его

¹¹ Стадий (греч.) – 178,6 метра

родного моря зимой. Когда Филипп с товарищами выбрался на землю, он старался не думать о поражении и, может быть, именно поэтому через два дня они сумели продолжить путь по побережью и еще через трое суток въехали в столицу.

Лондон было трудно сравнить с Константинополем – городом тысячи церквей, даже потерявшие столичный блеск Афины были куда привлекательней и гостеприимнее британской столицы, и причиной этому были войны и пожары, терзавшие Англию почти сотню лет. Но все-таки Лондон строился, преображался, через красивую и широкую Темзу, соединяя плотно застроенные берега, тянулись мосты – где каменные (в опорах некоторых легко угадывались остатки римской кладки), а где деревянные. Лондон зализывал раны, захлебывался в нечистотах, горел, но все-таки жил. Грязные улицы его с утра до позднего вечера кишмя кишели горожанами, воинами, бродягами и крестьянами. На рыночной площади давал представление передвижной театр, и толпа, жадная до зрелищ, качалась вокруг балаганной сцены взвизгивая и хохоча. Город пахнул прелой соломой, мочой, рыбой и гнилой капустой, но Филипп легко разглядел под неопрятной шелухой, бросавшейся в глаза путнику, мощные дома купеческих богатых кварталов, золоченые носилки знати без труда находящие себе дорогу на запруженных улицах, да многочисленные конные и пешие патрули, рассекавшие толпы.

Вильгельм Нормандский, по прозвищу Бастард, сделал невозможное – превратил истекающий кровью труп в страну, которая вполне имела шанс стать могучей, если только для этого сложатся обстоятельства. Короля не было на свете уже 13 лет, но оммаж¹², который принесли ему за год до смерти большинство представителей англосаксонской знати, до сих пор помогал удержать страну от междоусобных войн и бессмысленных кровавых волнений. Ах, если бы дети повторяли своих отцов! Тогда бы, наверное, Филиппу не пришлось бы отплывать из устья Соммы к берегам этого негостеприимного острова. Но Вильгельм II Рыжий, прозванный так за вечно налитое кровью лицо, был гнилым плодом, дурным отростком на древе королевской семьи. И отросток этот надлежало отрубить незамедлительно. Вильгельм Нормандский сам передал власть в руки среднего сына и был уверен в своем выборе, но далеко не все пошло так, как хотел старый король. Впрочем, то, что Англией завладел Рыжий, а не его старший брат Роберт Короткие Штаны, можно было вменить в вину не столько отцу, сколько архиепископу Кентреберийскому Ланфранку. Именно с его легкой руки на престол английский вззошел столь ярый враг церкви, каковым мог считаться Вильгельм Второй.

Почему человек, воспитанный столь яркой личностью, как архиепископ Ланфранк, столько лет грабил церковь, а недавно, (прости, Господи!) заявил о своем желании перейти в иудаизм, было загадкой, но пожив на свете, Филипп знал, что очень часто самыми страшными врагами становятся самые близкие друзья. Нет ничего удивительного, что бывший ученик презрел идеи и наущения наставника. Хотя, скорее всего, именно благодаря бывлой дружбе с его Преосвященством Рыжий до сих пор был жив, но...

Любой источник рано или поздно иссякает, терпение же иссякает еще быстрее. Филипп не знал, кто именно отдал приказ, переданный Легиону, но при жизни архиепископа Кентреберийского король Англии был фигурой неприкосновенной и оставался таким, несмотря на порочные деяния, еще долгих одиннадцать лет. Достаточно долгих для того, чтобы нанести такой вред слугам Господа, что даже длань мертвого учителя перестала прикрывать его от гнева отцов Церкви. А сейчас, в 1100 году от Рождества Христова, решение, наконец-то, было принято, и Двенадцать пустились в путь, чтобы исполнить приговор.

По идее, Филиппу незачем было вдаваться в подробности: приказ ему был отдан по всем правилам, безо всякой двусмысленности, допускающей вольные толкования, и проявлять любопытство было вовсе не обязательно. Более того, любопытство не поощрялось, а ино-

¹² **Оммаж** (*фр.* *hommage*, от *фр.* *homme* (лат. *homo*) – человек, в значении «вассал») – одна из церемоний (имевшая символический характер), оформлявшая заключение вассального договора в Западной Европе средних веков.

гда служило поводом для больших неприятностей. А неприятности эти вполне могли закончиться смертью любопытствующего. Что может быть глупее, чем отправиться в небытие из-за собственной несдержанности? Но Филиппа и Ираклия связывали теплые отношения – значительно более прочные, чем могли быть у начальника и подчиненного. Ираклий по сию пору относился к воспитаннику, как к сыну, несмотря на то, что устав Легиона не одобрял ничего, что выходило за рамки исполнения обязанностей. Легату Филипп мог задавать любые вопросы. Ну, почти любые...

Ираклий по-прежнему оставался во главе Легиона, хотя возраст уже давно не позволял ему сесть в седло. Годы превратили легата в болезненно худого старика, недуг скривил ему лицо и заставил подрагивать некогда твердую правую руку. Он окончательно облысел, и только легкий белесый пух, клочьями растущий на пятнистой сухой коже, напоминал о том, что когда-то на этом вытянутом черепе что-то росло. Кустистые седые брови скрывали тяжелые веки и, когда Ираклий поднимал на собеседника взгляд, под зарослями белых толстых, как иглы ежа, волос открывались два темных колодца, по-прежнему горящих тяжелым мрачным огнем.

Несмотря на самочувствие, он встречал Филиппа на ногах, стоя у ворот дома, служившего ему прибежищем уже четвертый год. Раньше у него никогда не было дома, но время взяло свое. Именно здесь его подлечили после случившегося удара монахи расположенной неподалеку обители Святой Варвары, и поили травами до тех пор, пока к легату не вернулась членораздельная речь. На это ушло долгих одиннадцать месяцев. Старик заново научился говорить, ходить, самостоятельно опраляться и принимать пищу – это стоило ему колоссальных усилий, но Ираклий все же превозмог себя и недуг. Он победил болезнь, так как всегда привык побеждать – только побеждать при любых обстоятельствах – и не представлял, что может не подняться с постели и за считанные дни превратиться в растение, способное лишь пускать слюни и мочиться под себя. Глядя на него сегодня, было трудно предположить, что год назад священник уже собирался читать над ним отходную. Вот только левую ногу легат приволакивал и ничего с этим поделать не мог.

Поддерживая Ираклия под руку, Филипп прошел в трапезную, где в прохладном полумраке и тишине они уселись за огромный деревянный стол и неторопливо откушали, не как братья-монахи, а много обильнее, с вином, как подобало людям светским.

Выслушав приказ, Филипп склонил голову в знак понимания и подчинения, но показное смирение не обмануло Ираклия – он слишком хорошо знал своего воспитанника. Хоть конечности легата и утратили подвижность, но ум его от удара практически не пострадал. То, что могло легко укрыться от взгляда человека незнакомого с воспитанником, легат читал с полужеста даже в сумраке трапезной.

– Ты хочешь спрашивать? Спрашивай! – предложил Ираклий, усаживаясь в кресле поудобнее. – Ты удивлен моим указанием?

– Если честно, да, Первый. Я удивлен...

– Можешь звать меня по имени, – сказал легат, усмехаясь. – Просто по имени. Легат теперь ты, я лишь передаю тебе приказы Первого... Пока я не умру, он не встретится с тобой. Таков обычай. Так что ты теперь мои руки, ноги и глаза, Филипп. Мое второе я.

– Как скажете, господин Ираклий...

– Господин Ираклий – это слишком длинно для имени. Просто Ираклий больше подойдет старику.

– Могу ли я тогда звать вас... отцом?

Старик недоуменно поднял мохнатую бровь.

- Отцом? Что за странный выбор, Филипп? Я не священник, не настоятель...
- Я имел в виду совсем другой смысл этого слова... – произнес Филипп негромко.

Бывший легат замолчал и задвигал губами, словно пробуя несказанные слова на вкус.

- Вот даже как...

Ираклий посмотрел на пожилого седого мужчину, сидящего напротив него, и подумал, что мальчишки останутся мальчишками до самой смерти, а мальчишке очень надобно иметь отца.

- Мы же оба знаем, что я тебе не отец, – сказал он осторожно. – Я купил тебя у родного отца, пристроил к делу, которое нельзя назвать добрым...

– Зато можно назвать благим, – так же осторожно прервал его воспитанник. Голос его звучал мягко, но в интонациях все равно сквозила привычка повелевать. Точно такая интонация была и в речи самого Ираклия, он не мог ее не узнать. – Я знаю, кем я мог стать, господин Ираклий. И вижу, кем я стал. Я пролил много крови, но пролил ее потому, что верил – вы никогда не пожелаете от меня плохого. Что ждало того мальчика, останься он тогда на острове? Таверна? Кухня? День, похожий на день? Скучная жизнь и такая же скучная смерть? Нет, господин Ираклий! Случись мне выбирать, я бы снова выбрал эту дорогу. Тогда, увидев вас на пристани, я понял, что вижу свою судьбу. Мы вдвоем держали меч, когда я убивал в первый раз, и вместе отомстили за убийство моей матери.

- С той поры прошло слишком много лет, – сказал старик глухо. – Ты вступаешь в старость, а меня заждалась смерть. Я не отец тебе, Спирос.... Как бы мы оба не желали того, все так было, и так останется. Хотя ближе тебя у меня никого нет....

- Вы назвали меня моим первым именем, господин Ираклий.

- Я знаю.

Несколько секунд они просидели молча.

- Вернемся к делу... Спрашивай, – повторил легат. – Что удивило тебя?

Филипп едва заметно вздохнул и пожал плечами.

- Почему вы посылаете в Англию меня? Разве на островах нет своего Легиона?

– Правильный вопрос, – сказал Ираклий и, отломив кусочек хлеба, окунул его в вино. Хлеб набряк, налился красным, и легат отправил его в рот, изо всех сил стараясь не выдать дрожания ослабевшей руки. Вроде бы получилось! – Ответ прост – мы потеряли Легион и не можем наладить связь ни с тамошним командиром, ни с тем, кто передавал приказы Первого. Мы ничего не знаем об их судьбе, но можем предположить, что она печальна....

- Их раскрыли? – удивился Филипп.

– Не думаю. Ты же знаешь, что наша скрытность – это наше великое преимущество, но и наша ахиллесова пята. Разве кто-то, кроме тебя знает где искать твоих Двенадцать?

Филипп качнул головой.

- И что делать, если тебя вдруг постигнет смерть? Набирать новых?

- На случай своей смерти я оставил вам записку.

- Ты нарушил устав? Там имена?

– Нет, господин Ираклий. Имен там нет. Но если вы захотите понять, что именно там написано, то вы поймете. Только вы. Большие никто.

– Шифры, тайнопись... – легат пренебрежительно дернул здоровой щекой. – Нет шифров, к которым нельзя подобрать ключа. Нет тайн, которые не становились бы известны по прошествии времени. Не будь наивен, Филипп. Тайна Двенадцати должна

уходить вместе с Легатом. Или передаваться наследнику, если Легат сумеет умереть в своей постели. Ее не доверяют бумаге. Письмо сожжешь. У него все равно нет адресата.

– Вы собираетесь умереть, господин Ираклий?

Старик хрипло хохотнул, задирая бритый подбородок.

– Нет, я собираюсь жить вечно! Если Бог даст, я дождусь твоего возвращения. Никто не знает, когда кончатся его дни, но я чувствую, что костлявая уже стоит у моего изголовья. И не могу сказать, что меня это пугает. Когда мы встретились, мне было сорок, этой весной мне исполнилось восемьдесят шесть. Никого из моих сверстников нет в живых. Никого. Я никогда не знал, что такое одиночество, Филипп, но вот уже лет пятнадцать, как знаю. Слишком хорошо знаю. На свете нет никого, кто бы мог разделить со мною воспоминания. Так что, мальчик мой, не засиживайся на этом свете. Долголетие совсем не Божий дар, уж скорее повод усомниться в Его милосердии. Мой мир умер, а я все еще жив, наверное по недоразумению. Кто придет на мои проводы, кроме монахов? Дети? У меня не было детей. Жена? Женщины, которые любили меня, давно лежат в земле. Так что некому справлять по мне тризну. Разве, что ты придешь.... Если успеешь вернуться, конечно.

– Я постараюсь успеть, господин Ираклий, – пообещал Филипп. – Постарайтесь дождаться, потому что дорога не близка. Чужая страна, чужой язык.... Наша цель – только двое?

– Считай, что речь идет только о Вильгельме. Его советник, этот Ранульф Фламмбард, сам по себе никакой опасности не представляет. Более того, есть епископы, с которыми он находит общий язык. Поэтому можешь его убить, если подвернется под руку, но цель у тебя одна – Рыжий.

– Позволительно ли мне спросить еще кое-что?

– Да.

– Ранее его Святейшество поддерживал их королевское величество...

– Ты осведомлен, – согласился Ираклий. – Но сведения твои устарели. Этот человек давно использует английскую церковь в своих интересах. Именно ему платят за назначение на пост епископа или аббата. Он ограничивает сношения церкви со Святым Престолом в Риме. Ты должен был слышать, насколько тяжелы его отношения с Ансельмом, после того как тот стал новым Архиепископом Кентерберийским.

– Настолько тяжелы, что архиепископ уже три года, как в Риме, и не собирается ехать в Лондон. Я знаю это, господин Ираклий. Думаю, что отец Ансельм жив только потому, что Папа вмешался в их с Рыжим конфликт. Я осведомлен о том, что Архиепископ Кентерберийский сумел покинуть остров чудом.

– Ты знаешь больше меня.

– Ничего удивительного, – согласился Филипп. – Последние годы вы провели здесь, а мне довелось поездить. Я умею смотреть и слушать. Вы учили меня этому. Я не думаю, что Рыжий действительно собирался перейти в иудаизм. Это слишком невероятно, чтобы быть правдой....

– Зачастую, Филипп, – сказал Ираклий, усмехаясь половиной лица, – самое невероятное и оказывается чистой правдой.... Неважно, что именно собирался сделать король. Важно, что о нем напишут потом, после его смерти.

– Разве недостаточно написать, что он любил мужчин? – спросил Филипп, отвечая на улыбку наставника.

– Слишком многие сейчас любят мужчин, – буркнул легат. – Я никогда не понимал до конца идею celibата. Обмануть человека нетрудно, а вот обмануть его естество.... Королям можно все, но не оставлять наследника чрезвычайно рискованно. А я что-то не

слышал, чтобы мужчина родил от женщины. Грешен Рыжий, грешен.... Он храбр, умен, жесток – у него есть все, что надо королю, кроме одного... Он не умеет выбирать врагов.

– И друзей, – добавил Филипп.

– И друзей, – согласился Ираклий. – И я советую тебе найти одного из тех, кого Рыжий считает своим другом. Его называют Вальтером Тирелом.

– Кто он?

– Никто. Приближенный короля. Знатен. Не слишком богат. Честолюбив, но деньги любит больше всего на свете. Но есть еще более важная вещь....

Ираклий снова окунул хлеб в вино и неторопливо прожевал ароматную кислотоватую мякоть.

– Тирел женат на сестре Гилберта де Клера. О нем ты многое, как я понимаю, знаешь....

Филипп кивнул.

– Вот и скажи мне, Филипп, как можно приближать к себе человека, шурина которого участвовал в восстании де Морбея.

– Лорд де Клер доказал свою непричастность.... Так говорят в Риме, господин Ираклий.

– Да? – с нарочитым удивлением протянул легат. – А я думаю, что это как раз тот случай, когда король Вильгельм проявил несвойственное ему великодушие. Из финансовых соображений. Я бы еще понял, если бы де Клер умер спустя год или два после событий, но он жив уже пять лет.... Впрочем, для наших целей это только лучше. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то заподозрил в смерти короля Вильгельма сторонний замысел. У короля есть враги, и это не секрет. Вот и хорошо будет, если к этим врагам и протянется след. Не совсем очевидный, но достаточный для того, чтобы неглупый человек сделал выводы.

– Вы думаете, что Тирел согласится?

– Разве это важно? – спросил Ираклий и недоуменно пожал плечами. – Хотя, я думаю, что ты его уговоришь. Денег у тебя достаточно. Ну, а если он не согласится, то что за беда? Ведь главное не то, что он сделает, а то, что напишут о нем после его смерти, ведь так?

Филипп отломил хлеб от лежащего в его тарелке куска, окунул его в вино и так же, как наставник, неторопливо разжевывал.

– Конечно, господин Ираклий, – сказал он негромко. – Не волнуйтесь. Все будет сделано в лучшем виде. Да исполнится воля Первого.

– Да исполнится, – откликнулся легат. – Амен.

Глава 6

Наставник оказался прав. Как всегда прав. Филипп не переставал удивляться прозорливости человека, давно вступившего в возраст, который без преувеличения можно было назвать патриаршим. Тирел согласился. У Филиппа было впечатление, что этот господинчик просто ждал такого предложения, и не появившись, бряцая спасенным золотом, посланник из-за Ламанша, обязательно бы продался кому-нибудь другому. Слишком много нетерпеливых претендентов на ставший привлекательным английский престол, особ, имеющих в жилах каплю королевской крови, страстно желало его занять.

Раскисшая дорога внезапно скатилась в распадок, Филиппу пришлось склониться к самым ушам пугливой лошади и, поглаживая ее по голове, заставить боком, оскальзываясь, спуститься вниз. Его спутники последовали за ним, причем один из всадников коня не удержал, и, как на салазках, съехал по рыжей глине. Жеребец пытался встать, но не мог – мешал наездник, тяжелым грузом навалившийся на спину, но все завершилось благополучно: просто и конь, и его незадачливый хозяин основательно вывалились в грязь.

Дальше дорога пошла по ровному.

Сэр Вальтер Тирел

Плотный, почти непроходимый лес, обступавший тракт последние несколько миль, поредел, кроны, закрывающие небо, разошлись, обнажив серый, налитый дождевой влагой, свод. Животные сами прибавили ходу, перешли на резвый шаг, едва не срывающийся в рысь, и тут лес внезапно кончился, отрывая глазу темно-зеленые луга и холмы, вздымающиеся в нескольких лигах к западу.

Пейзаж был хорош. Настолько хорош, что ему не могли помешать ни отсутствие солнечного света, на мелкая дождевая пыль, наполняющая все пространство так плотно, что Филиппу казалось, что он даже дышит водой. Пасшееся неподалеку овечье стадо шарахнулось, когда отряд выехал из леса, но тут же успокоилось и принялось флегматично щипать мокрую сочную траву.

Впереди, может быть, в миле или чуть больше, уютно устроившись на возвышенности, виднелась деревушка, дальше, на самой вершине холмов, можно было рассмотреть снова встающий стеной лес.

– Бьюли, господин, – сказал один из наемников, указывая нечистой рукой на селение, а второй осаживая воспрявшего духом от близости жилья жеребца, – дальше ехать уговора не было. С здешним шерифом у нас разногласия, мастер...

– Уговор так уговор, – согласился Филипп. – Держи.

Приготовленный кошель старший из солдат поймал на лету – так пес одним выверенным движением заглатывает брошенную хозяином кость.

– Благодарствуйте, господин, – он расплылся в улыбке, взвешивая кошель на ладони. – Дай вам Бог удачи в дороге...

– И вам спасибо за службу, – ответил Филипп через плечо, поворачивая лошадь. – Раз уж вы тут бывали: где в Бьюли постоянный двор?

– По главной улице четвертый дом слева. Дуб на вывеске, – сообщил наемник, пряча кошель под одеждой. – И название соответствующее – «Под дубом». Хозяин – старый пройдоха, а вот хозяйка... Хозяйка – та хороша... Это из-за нее шериф мне чуть голову не снес... Сами увидите, как хороша, господин хороший... А муж у неё...

Но Филипп уже не слушал.

Пока троица, переговариваясь на ходу, снова нырнула под влажную листву укрывающую лесную дорогу, он уже успел проделать половину пути до деревни. На открытом пространстве его лошадь словно подменили, а может быть, умное животное просто чувствовало скорый отдых – запахи овина доносились до его чутких ноздрей. Над трубой постоянного двора поднимался дымок, по окраине деревни вперевалку шествовали важные длинношеие гуси. Среди всплывающих в переполненном водой воздухе звуков Филипп легко выделил мычание коров – судя по тому, что стада не было видно, оно паслось за селением, на склоне, вдалеке от заболоченной низины, которую Филипп огибал слева.

Он не ел с прошлого вечера, если не считать куска ржаной лепешки, которую сгрыз уже сидя в седле ранним утром, и запах дыма из очага напомнил ему об этом печальном факте. В животе забурчало, он шумно сглотнул слюну. К дыму от углей явно примешивался запах похлебки, и не просто похлебки, а мясной похлебки! Густой, наваристой, с ливером и требухой! Если судить по строениям, Бьюли – богатая деревня с вполне приличным постоянным двором, а, значит, готовят здесь неплохо. Ведь сам король любил охотиться в этих местах, он, конечно, вряд ли ел в харчевнях, а вот сопровождавшим его придворным надо было где-то жить и где-то есть. И особо выбирать не приходилось: селений в округе было немного – слишком уж опасен, непроходим и огромен был здешний лес, так что местным жителям хочешь не хочешь пришлось привыкать быть гостеприимными и научиться достойно кухарить. Нрав Вильгельма Рыжего и его присных был хорошо известен и за пределами столиц.

Постоянный двор был опоясан невысоким заборчиком, у крыльца виднелась потемневшая от влаги коновязь, рядом с которой крупный серый пес, невозможно грязный и с драными ушами до земли, грыз громадный мослак. Рядом с овином рос старый корявый дуб, наверное тот, что дал название заведению. Легионер перенес вес на левую ногу, высвобождая вторую их стремени и уже представил, с каким удовольствием повесит у очага волглый плащ, сдерет с ног сапоги и поставит их поближе к огню...

Но помечтать о сытном обеде, тепле и красивой хозяйке, ожидающих его в нескольких ярдах за дощатой дверью, Филипп не успел. Он даже не успел спешиться, как со стороны холмов показался скачущий галопом всадник, и командир Легиона понял (скорее, почувствовал своим «верхним» чутьем!), что это тот человек, ради встречи с которым этим вечером он и проделал многодневный путь.

Всадник подгонял лошадь так, будто бы за ним попятая гнались черти. Филипп с неудовольствием отметил, что животное устало – это было заметно и по бегу коня, и по тому, как наездник охаживал его хлыстом. Если им придется уезжать срочно, без отдыха, то конь падет,

не проскакав и десяти миль, а то и раньше. А ломать спину своему жеребцу двойным грузом не входило в планы легионера.

– Неужели все? – подумал Филипп, не испытывая ни радости, ни особого возбуждения. – Все оказалось так просто?

Дело есть дело, еще одно в череде исполненных поручений. Не каждый день приходится убивать королей, но и короли смертны, не так ли? Очень даже смертны. Им только кажется, что они выше остальных, а на самом деле.... Все умирают одинаково: и грешники, и праведники, и пейзаны, и короли...

Рассмотреть лицо человека с такого расстояния было невозможно, тем более, что привставший в стременах всадник был в шляпе с полями, прикрывающими его не только от ветра и дождя, но и от посторонних взглядов.

Вот он проскакал по дороге, рассекающей пологий холм, вот копыта зашлепали по лужам на самой окраине, и только когда их с Филиппом разделяли каких-нибудь пятьдесят шагов, стало окончательно понятно, что этот всадник – сэр Вальтер Тирел.

Тирел тоже увидел ожидающего его конного и сбавил ход – черный жеребец под ним тяжело дышал, отфыркивался и скалил зубы. К Филиппу наездник подъехал уже перейдя на шаг, пытаясь приосаниться в седле и выглядеть таким бравым воякой, но получалось плохо. Фигура англичанина не вызвала ничего, кроме усмешки.

Хоть сэр Вальтер и был высок, но притом удивительно непропорционален. Длинное туловище поддерживали маленькие кривые ноги, на узких покатых плечах сидела круглая голова, покрытая редкими рыжими волосами. Дополняли портрет Тирела мощные руки, торчащие из плеч, словно чужие, и мелкие заячьи черты лица, которые и запомнить-то было трудно, не то, чтобы описать в случае необходимости. И на этой заячьей мордочке, в противовес попытке выглядеть бесстрашным и грозным богатырем, был написан нешуточный страх. Едва увидев бегающие глаза и дрожащую верхнюю губу, обнажившую неровные желтые резцы, Филипп сразу понял – свершилось.

Если бы Филипп решил задержаться, то мог бы понаблюдать за беготней при дворе в ближайшие недели! Посмотреть, как замечутся королевские братья в попытках подхватить осиротевшую корону, сколько крови еще прольется, пока не будет решен вопрос престолонаследия... А в это время... А в это время произойдет то, ради чего и была затеяна вся игра! Именно за ближайшие несколько недель, во время неизбежной после смерти короля смуты, свою власть и влияние в стране восстановят те, кто эту власть при Рыжем потерял.

Вот и все, пожалуй, подумал Филипп, в планы которого, несмотря на вполне объяснимое любопытство, не входило оставаться в Англии ни на минуту дольше необходимого. Еще несколько дней на заматывание следов – и можно пускаться в обратную дорогу. Остальное от меня никак не зависит – сами разберутся. И больше сюда ни ногой! Красивая страна, но в жизни своей не видел такой паршивой погоды!

Всадник был уже в нескольких шагах от него.

Легионер надел на лицо маску легкой заинтересованности, чтобы не выказать неуважение к приезжему, и, слегка коснувшись пальцами мокрых полей своей шляпы:

– Приветствую вас, сэр Тирел!

– Приветствую! – отозвался наездник, тоже трогая шляпу.

Ни один, ни второй головного убора не снял.

– Надеюсь, что вам не пришлось испытать трудности в дороге? – спросил Филипп, поднимая бровь. – У нас есть время, чтобы выпить вина и побеседовать о делах? Или времени нет?

Сэр Тирел посмотрел на затянутое облаками низкое небо, словно прикидывая расположение солнца за густой, как молоко, занавесью, закрывшей небосвод от горизонта до горизонта. На лице англичанина отразились сомнения, он явно перебирал в уме аргументы: вечер близился, до заката оставалось часа полтора, не более, его жеребец едва дышал...

Филипп буквально чувствовал, как рассудительность сэра Вальтера борется с желанием бежать как можно дальше, причем немедленно. Но бежать в ночь? В одиночестве? Полагаясь на свой меч и обессиленного коня? Это было даже не безрассудно смело, а просто глупо. С таким же успехом, можно было бы перерезать себе горло кинжалом, который болтался у Тирела на поясе. Рука англичанина нервно затеребила повод, а мгновение спустя, решившись, он спешился, ухнув по щиколотки в жидкую грязь у коновязи.

– Есть время, господин Рене, – буркнул он, привязывая скакуна. – До утра время есть... Но утром мне хотелось бы быть как можно дальше отсюда.

– Это означает, – спросил Филипп, тоже соскакивая на землю, – что у вас все получилось? Вы все сделали?

Тирел пожал плечами, сверкнув глазами из-под шляпы.

– Естественно, иначе меня бы здесь не было....

– Ну, что ж... Превосходно. Теперь моя очередь выполнять обещания. Корабль ждет, – сказал Филипп. – Все, как договорено.

– Мое золото? – не удержался от вопроса сэр Вальтер, когда они зашагали к крыльцу постоянного двора. – Что на счет денег, месье?

– Часть я привез с собой, – тон ответа был самым что ни на есть успокаивающим – так Филипп мог бы говорить с испуганным ребенком. – Как вы просили – наличными. На все остальное – вручу вам расписку, которую вы предъявите в банкирском доме Барди, в Венеции. Вы можете обменять ее на золото там или у Перуцци во Флоренции. Лишних вопросов вам нигде не зададут.

Они вошли в трапезную – темную, пропахшую дымом очага, кислым пивом и капустой – эту гамму «ароматов» не мог заглушить даже запах вожденной похлебки из trebuхи. Но для голодного человека все равно пахло восхитительно!

– Коней накормить, почистить, – приказал сэр Вальтер слуге, который бросился им навстречу, завидев богатую одежду путников. – И смотри у меня!

Среди пейзажей, он чувствовал себя в своей тарелке, и здешний люд, хоть небогатый, но привычный к придворным вельможам, наезжавшим в местные чащи на охоту, сразу услышал уверенность в голосе пришлого человека, определил его право приказывать.

По харчевне забегали.

Из кухни выскочил хозяин – дородный, неопрятный, в немыслимо грязной рубахе и руками по локоть испачканными в крови. Благо, не в человеческой – в бараньей, о чем трактирщик сообщил незамедлительно, добавив, что принялся резать барана немедленно, как завидел господ. Видно было, что хозяин врет так, что даже косить начал, но и Филиппу и его спутнику на это было плевать.

Хотелось есть и пить.

Еще молодая, но совершенно расплывшаяся непривлекательная служанка, бегом принесла кувшин кисловатого вина и миску с наломанным темным хлебом, немного сыроватым, но все равно вкусным, овечьего сыра, полоски вяленой оленины да несколько мелких луковок, нарезанных кусками. Миски с горячей, как огонь похлебкой, хозяин доставил сам (и удалился, пятясь), но есть ее сразу же было невозможно – жидкость обжигала губы расплавленным оловом. Миски пришлось отставить, несмотря на голод.

Тирел отложил ложку в сторону, плеснул в кружку вина, выпил залпом и снова налил.

Рука у него дрожала, но англичанин старался не выказывать свое возбуждение. Ему хотелось выглядеть в глазах заказчика настоящим убийцей Цезаря, таким, как Брут, но подводило лицо: глаза никак не могли остановиться, ерзали, как обпившийся элем монах на мессе, да верхняя губа то и дело поддегивалась, оголяя десны.

В такие моменты сходство лица сэра Вальтера с заячьей мордочкой становилось настолько очевидным, что Филипп с трудом сдерживал усмешку.

– Вы приехали в одиночку, месье Рене? – спросил англичанин, отрывая своими желтыми зубами кусок оленины.

Филипп кивнул.

– Почти.

– Неосмотрительно. Человек с такими деньгами на наших дорогах... Вы могли не доехать. Вполне...

– Но я доехал. Почти один означает, что со мной были трое наемников, бывшие солдаты. Я отпустил их перед встречей с вами.

– Это правильно, – подтвердил Тирел. – Правильно, что отпустили! Зачем им видеть, как мы встречаемся? Но трое сопровождающих... Трое – это то же самое, что ни одного.

Филипп пожал плечами.

– Пожалуй, вы правы. Но ехать в сопровождении отряда означает привлекать к себе слишком много внимания. Я не официальное лицо. И прибыл сюда не с дружеским визитом. Все сложнее, не так ли? – Филипп улыбнулся, но улыбка, больше напоминавшая оскал, вовсе не выглядела признаком веселого состояния духа. – И обратно мы с вами поедем без эскорта, если вам, сэр Вальтер, не хочется закончить жизнь на виселице. Минимум людей, минимум внимания к нашим скромным особам. Только лишь два моих личных охранника ждут нас по дороге к Ла-Маншу. Только двое. Они наняли судно, они же и встретят нас в условленном месте. Никто из них не знает, кто вы. И не должен узнать, если вам дорога жизнь. Мы доставим вас в Нормандию. Далее – я помогу вам достичь Италии. Дорога через горы на юг трудна, и я бы осмелился рекомендовать проделать морем и весь дальнейший путь. В сентябре это практически безопасно и даже доставит удовольствие. А как только мы сойдем на землю, наши пути разойдутся. Я не стану сопровождать вас в Венецию и, надеюсь, что мы благополучно забудем о существовании друг друга. Но только если вы не нарушите правил, о которых вас предупреждали. Одно условие, всего одно, но его вам надлежит исполнять неукоснительно: никогда не возвращайтесь в Англию, сэр. Никогда не приезжайте в Нормандию или Францию. Италия отныне – ваш мир, не пересекайте его границ! Никогда не пересекайте! Никогда – это означает никогда. Исключений нет. О последствиях вы предупреждены, а мы, когда надо, умеем быть очень жестокими.

Сэр Тирел кивнул, в знак того, что все понял, и в жестокости собеседника не сомневается. Кивнул и снова выпил. Рыжие усы его намокли вином, покрылись розовыми каплями и обвисли.

– Почему вы не спросите меня, как все случилось? – произнес он и осклабился.

Нет, не заяц, подумал Филипп. Эти вислые усы щеткой... Определенно – не заяц. Хорек.

Вино, конечно, ни в какое сравнение не шло с ароматным греческим или более легким итальянским, к которым у легионера была привычка, чтобы не сказать слабость. Кислое, вязущее язык, жидкое от недостатка солнца, но Филипп допил остаток из оловянной кружки, утер рот нечистой манжетой, и только потом ответил:

– А какая, собственно, разница, как все произошло? Важен результат... Он мёртв?

– Да.

– Вы убедились в этом?

– Да.

– Значит, все в порядке, и нет никакой разницы, как именно вы это сделали.

– Это было трудно, – сказал Тирел и снова показал зубы. От выпитого впопыхах красного по бледной коже лица англичанина пошли пятна, словно был он не человек, а вытащенный на воздух осминогий гад – октопус. – Очень трудно. Я бы вряд ли одолел его в схватке на мечях, ведь Руфус славился своей силой. Он был воин, наш Рыжий...

За годы своей жизни Филипп выслушал исповеди многих убийц – душегубы зачастую народ общительный до отвращения.

Кто-то из них принижал своих жертв, стараясь выставить себя справедливым мстителем, очищающим мир от паразитов. Кто-то превозносил убитых до небес, стараясь таким образом показать собственную значимость. Были и такие, что молчали, не считая нужным обсуждать сделанное. Последние были Филиппу милее, может, потому, что он и сам не любил рассказывать о содеянном. Но уж если сэр Вальтер считал, что совершенное исподтишка убийство короля-воина делает героем его самого, что ж, так тому и быть!

Решение убить короля Англии было принято Конклавом давно – больше полугода назад, судьба исполнителя тоже была predetermined заранее, и Филипп в очередной раз убедился в прозорливости тех, кто отдавал ему приказы. Конечно же, можно было спрятать сэра Вальтера в Италии, в Константинополе или Александрии, можно было отправить его в Армению или в иерусалимские земли, но решавшие судьбу Тирела были уверены – ни в Колхиде, ни в Иудее, ни в холодных странах на востоке нельзя гарантировать тайну произошедшего сегодня убийства.

Везде есть вино.

Везде есть женщины.

Везде есть уши.

Да, доказать чью-либо причастность будет трудно, почти невозможно. Но зачем давать пищу для слухов? Исполнитель должен молчать. При любых обстоятельствах.

– Мы гнали оленя, – продолжил Тирел, облизнув усы. – Когда король гонит зверя, он забывает обо всем. Это был красивый олень, очень сильный быстрый. Он ушел от собак через чащу, напрямик по бурелому, и, пока егеря разбирались с гончими, король поскакал по ручью, чтобы срезать угол и выйти на опушку раньше зверя....

Он едва попевал за королевским скакуном.

Конь под Рыжим был ох как хорош – вороной, с маленькой головой и мощной широкой грудью, резвый и такой же упрямый, как хозяин. Вильгельм, хоть роста был небольшого, но сложения плотного, ладного (даже выдающееся вперед брюшко не висело складкой, а торчало), и в седле сидел, как влитой, ловко уворачиваясь от веток, склонившихся к самому ручью.

Тирел давно бы прервал эту безумную скачку – в ней можно было или угробить коня, или самому остаться без головы, или сделать и то, и другое одновременно. Он не испытывал азарта погони за зверем. Более того – он не испытывал азарта погони за королем. Он вообще ничего не испытывал, кроме страха и злости, и старался накормить свою злость, вырастить ее, возвеличить, потому что только она могла помочь ему забыть о страхе.

Настал день выполнить задуманное. Отплатить добром за добро брату короля, вспомнить о том, что Руфус никогда не ценил его по достоинству, унижал, когда предоставлялась возможность, и не рассмотрел в нем ни верного соратника, ни друга, ни врага. Король оказался слеп. Не будь он близоруким глупцом, и у Тирела никогда бы не появилась возможность остаться с королем наедине. Но король предоставил ему такой шанс. Глупо было бы в последний момент упустить удачу свернув в сторону, или расшибив череп о дубовый сук. Потому что настало время все изменить. Пусть сэру Вальтеру уже никогда не стать воспетым в хрониках наперсником Вильгельма, но в памяти современников ему отведена роль свободного человека, тираноубийцы!

Да, он спешил за тем, кого знал с детства, мчался попятам для того, чтобы убить короля. Этот человек правил Англией – плохо ли, хорошо ли, но правил, как наследник короны отца, как преемник, назначенный царствовать волей Вильгельма Завоевателя и Господа. А в нескольких милях от него младший брат короля – единокровный брат Генрих – дрожал от нетерпения и потирал немеющие от близости развязки руки.

С помощью него – Вальтера Тирела – трон освободится сегодня, а занять опустевший волею провидения престол, мечтал каждый из членов королевской семьи. Особенно, если провидению нужны деньги и с ним можно договориться....

Сэр Вальтер едва успел пригнуть голову к луке, чтобы не быть выбитым из седла корявой, толстой ветвью бука, похожей на руку лесного великана. Копыта королевского скакуна взбили в пену прозрачные воды ручья – лошади влетели в узкое русло едва ли не выше колен. Чудом не оскользнувшись на гладких камнях, устилавших дно в этом месте, Рыжий и его спутник продолжили погони по мелководью. Брызги полетели во все стороны и листья кустов зашуршали, словно на них обрушились потоки летнего ливня... Вода была холодной, но разгоряченные скачкой кони и их наездники этого не почувствовали – так и не сменив галопа на умеренную рысь, охотники пересекли русло наискосок и выскочили на глинистую тропу, тянущуюся под правым берегом. Слева из воды поднялась густая осока, перекрывшая путь, но лошади, взяв вправо, с разбега преодолели поросший редкой травой подъем и оказались над ручьем, между невысоким обрывом и могучими стволами деревьев, подступивших к самому руслу.

Зеленый влажный ковер, стелющийся под копытами скакунов, проглотил стук копыт, и стало слышно, как обезумевший от страха олень ломится через кустарник. Лай собак, напротив, практически не долетал до ушей всадников, и в этом не было ничего удивительного: между оленем и загонщиками теперь было как минимум пара миль.

Опушка, открывшаяся перед Руффусом и его спутником, вначале была неширока, но через сотню шагов деревья разбежались по сторонам и тропа утыкалась в высокое, почти по пояс, разнотравье, а, оставшийся по правую руку бурелом бесследно исчезал, за влажной, блестящей спиной ручья.

Король уверенно направил коня к растущему посреди поляны дубу – это было единственное место пригодное для засады на зверя, и как опытный охотник, он безошибочно выбрал верную позицию. Из-под корней старого дерева можно было достать стрелой любого, кто появится из чащи – мощный королевский лук легко бил на двести шагов, а стрелял король так, что любой из лучников продал бы душу за такое умение. А вот зверь, вырвавшийся на простор из полутьмы, первые несколько секунд не видел охотника, а что еще надо человеку для того, чтобы получить шанс победить жертву?

Рыжий придержал коня, легко спешился и сдернул с седла зачехленное оружие и колчан со стрелами. Конь, освобожденный от тяжелой ноши, радостно затряс головой и неторопливо побрел прочь, опустив голову в траву. Тирел тоже спешился, правда не так быстро, как король: давала о себе знать рана, полученная еще в юные годы – ныло бедро, а после скачки боль поднималась по ноге вверх и нещадно терзала седалище и спину.

Король, ловко снарядил оружие, и тут же несколько раз натянул лук, проверяя не отсырела ли скрученная из конопли тетива, наложил на нее длинную охотничью стрелу с оперением из гусиных перьев, и замер, превратившись в слух. Охотничий инстинкт у Рыжего был развит чрезмерно, в пылу погони за зверем он сам становился зверем, забывая об осторожности, очертя голову бросаясь за добычей в стремительные воды или непроходимую чащу. Егеря любили его – после удачной охоты он мог щедро одарить тех, кто гнал зверя рядом с ним, но и боялись королевского гнева – за ошибки и нерадивость он наказывал сурово, мог и голову срубить.

На любви к охоте и королевском азарте Тирел и построил свой расчет. Увлеченный гонкой за оленем Руффус был беззащитен, как ребенок, но стоило королю отвлечься и... Сейчас сэру Вальтер боялся одного – схватиться с королем лицом к лицу. Выстоять против Вильгельма Рыжего в рукопашной было нереально – все, кто видел короля в бою, говорили, что с ним не справится даже разъяренный медведь. Тирел не переоценивал свои возможности. Он владел мечом и кинжалом, мог орудовать копьём или шестом, но... Рыжий бы легко перекусил

его пополам, так что вызывать короля на бой сэра Вальтер не собирался. Для того, чтобы зарезать жертву, надо подойти близко и ударить клинком так, чтобы противник умер сразу, не успев схватиться за меч или лук. Это рискованно, ведь ни одно оружие не убивает мгновенно. Другое дело – выстрелить в ничего не подозревающего человека и на расстоянии наблюдать за его кончиной. Подло? Ну, конце концов – это не дуэль, не рыцарский турнир. Убийство – оно и есть убийство, и нечего придумывать для него правила!

Тирел не боялся, что его поймут. В любом случае, Генрих выручит, главное придерживаться подготовленной версии: случившееся – несчастный случай. Никаких злых намерений, никакого умысла... Случайно сбитый прицел, стрела, скользнувшая по ветке дерева... Мало ли что случается на оленьей охоте! А вот умереть сэра Вальтер боялся. А для того, чтобы умереть, достаточно было допустить ошибку. Всего одну. Сейчас, когда мечта уже так близка...

Тирел посмотрел на свои руки – пальцы тряслись, словно челюсти у немощного старика. Ему казалось – еще секунда, и все тело пробьет крупная, как от потери крови, дрожь. Он не должен промахнуться! Второго шанса Руфус ему не даст! Даже раненый – он достанет обидчика не стрелой, так мечом или кинжалом. Будь он проклят!

– Приготовься, Вальтер! – приказал король негромко, оглядываясь через плечо. Кажется, он только сейчас заметил, что не один на поляне. – Олень близко! Если я не завалю его первой стрелой, бей в круп. Цель в брюхо, чтобы пустить кровь.

– Не думаю, что моя помощь понадобится твоему величеству, – сказал Тирел, глотая дрожь в голосе вместе с липким потом страха, и отцепил от седла свой лук и колчан со стрелами. – Но, если ты приказываешь... Где мне стать?

Боже, что же будет, если он заметит? Он же все поймет с первого взгляда!

– Стань левее, – король уже потерял интерес к спутнику, снова превратившись в зверя, учуявшего запах крови. Он даже не обернулся! – И чуть сзади...

Левее и сзади! Сэр Вальтер едва заметно усмехнулся, грызя губу – лучшей позиции для выстрела нельзя было бы даже представить.

Олень приближался. Огромный рогач ломился через чащу, обезумев от страха перед собачьим лаем, острым запахом мокрой шерсти гончих и человеческого пота, смешанного с потом конским. Хруст от ломающихся веток стоял такой, что стрелок, подобный Вильгельму Рыжему, мог бы без промаха пустить в животное стрелу даже в полной темноте. Судя по звуку, олень должен был выскочить на открытое пространство справа, шагах в сорока от охотников.

Между Тирелом и королем было не более пятнадцати шагов. Вильгельм Рыжий был облачен в обычный охотничий костюм – никаких доспехов вроде куртки из толстой буйволонной кожи, как во время кабаньего гона.

Сэр Вальтер на миг закрыл глаза и перевел дух. Потом вытащил из колчана длинную двухфутовую стрелу с острым как игла наконечником длиной в пол-ладони. Его лук не шел ни в какое сравнение с мощным оружием короля, изготовленным из цельного куска тиса, но все же пущенная из него стрела без труда прошивала воина в легких латах с шестидесяти шагов.

Стрела легла на тетиву.

Король натянул свой лук плавным, полным силы движением опытного стрелка. Сэр Вальтер повторил движение Руфуса – скрипнул плетеный инур, зашуршало, скользнув по кожаной оплетке, древко.

Олень выпрыгнул на поляну, проломив широкой грудью стену из молодых деревьев и кустарника. Он был прекрасен – рослый самец, украшенный великолепными ветвистыми рогами размахом футов в восемь! Выпуклые черные глаза мазнули по фигурам охотников и зверь, обнаружив угрозу, прыгнул в сторону, пытаясь уйти с линии стрельбы, но было уже поздно...

Тренькнула тетива, и стрела порхнула над влажной травой легкой летучей тенью. Она настигла оленя в прыжке. Тирел не сразу понял, куда вонзился наконечник – самец успел приземлиться и прыгнуть еще раз, но во втором прыжке он замотал головой, и сэр Вальтер увидел оперение, торчащее из широкой шеи, ровно посередине ее. При приземлении передние ноги оленя подогнулись, он неловко ткнулся в землю отяжелевшей головой, сложился и заскользил грудью по мокрой траве.

– Есть! – азартно закричал король, успевший наложить на тетиву следующую стрелу. – Есть!

Зверь попытался подняться, захрипел, из пасти плеснуло темной кровью. Он вывернул голову, слясь увидеть своего убийцу, рухнул, на этот раз набок, и забил копытами в воздухе.

Руки у Тирела перестали дрожать, лук скрипнул...

Вильгельм Рыжий повернулся к своему придворному с радостной улыбкой на лице, и в тот момент, когда их взгляды встретились, сэр Вальтер спустил тетиву. Расстояние между ним и его жертвой не превышало полутора десятков шагов, и тяжелая стрела, пущенная почти в упор, пробила короля едва ли не навывлет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.